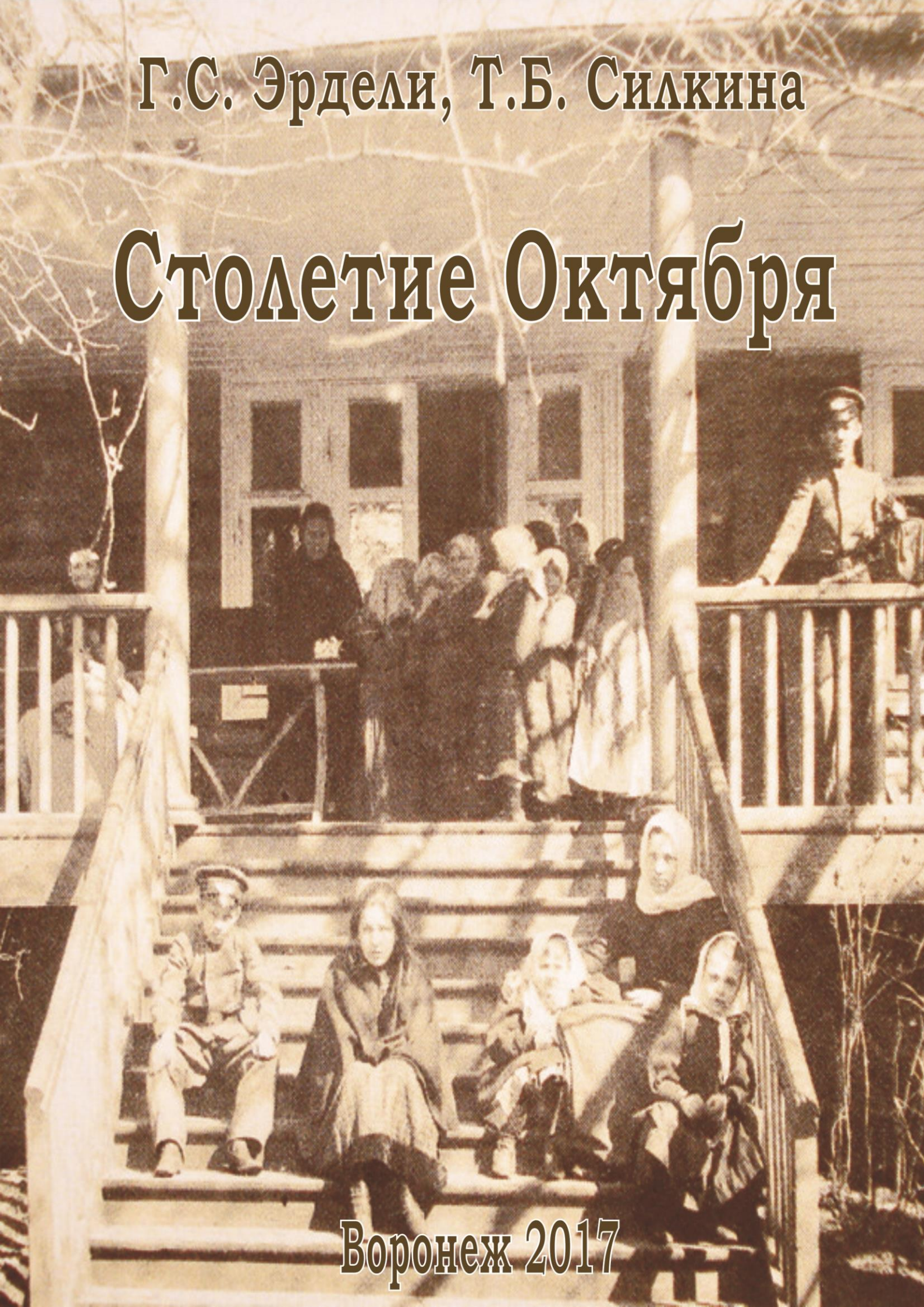

Г.С. Эрдели, Т.Б. Силкина

Столетие Октября

Воронеж 2017

Эрдели Г. С., Силкина Т. Б. Столетие Октября. – Воронеж: электронная версия, 2017. – 80 с.

Охраняется законом об авторском праве. Нарушение ограничений, накладываемых им на воспроизведение всей книги или любой ее части, включая оформление, преследуется в судебном порядке.

Предшествование. Глазами писателей и очевидцев. Писатели и современники о времени, предшествовавшем революции 1917 года.

Уроки прошлого. Предтечи русской революции. Революция и личность. Почему через сто лет мы снова возвращаемся к воспоминаниям? Наверное, чтобы лучше понять людей прошлого времени, глубже понять самих себя, извлечь уроки из ошибок прошлого и сделать всё возможное, чтобы не ошибиться снова на похожем витке исторической спирали. Уроки прошлого – всегда для будущей жизни.

Для широкого круга читателей, которые интересуются историей России.

Компьютерное и художественное оформление – Силкина Т. Б.

© Эрдели Г. С., Силкина Т. Б.

ПРЕДШЕСТВИЕ

ГЛАЗАМИ ПИСАТЕЛЕЙ И ОЧЕВИДЦЕВ

ЭРДЕЛИ Г. С.

Споры о Великой Октябрьской социалистической революции особенно усилились в последнее время. Во всяких спорах, мне кажется, надо обратить внимание на *предшествование*, *причины* того или иного события, в данном случае – революций.

Когда-то давно я подумала (так думаю и сейчас), что *понять* прошлое, получить о нём, в главном, верное представление, лучше не по учебникам истории, а по художественной литературе. Я даже хотела составить список произведений, которые для этого надо прочитать, и поставила бы первым стихотворение в прозе Тургенева: барыня пришла выразить сочувствие своей крепостной, только что похоронившей единственного сына. Войдя в избу, она увидела, что крестьянка, стоя перед столом, ложкой из чугунка хлебает щи, и возмутилась: как ты можешь?.. Крестьянка ответила, что без сына она не выживет, пропадёт, но щам пропадать нельзя: «*Они же посолённые!*». Барыня не поняла. Тургенев пишет: «*Ей-то соль доставалась дешёво*».

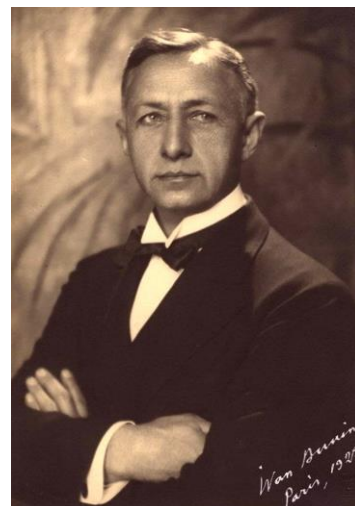
Со времени того стихотворения «много воды утекло», многое изменилось, и хотя крестьяне получили свободу, лёгкой их жизнь назвать было никак нельзя.

О жизни простых людей – крестьян, рабочих написано много хороших и правдивых произведений русскими писателями в конце девятнадцатого и самом начале двадцатого века: А. П. Чеховым, Л. Н. Толстым, В. Г. Короленко, В. В. Вересаевым и другими... О каждом из них, о каждом их произведении можно (и нужно) много говорить. Здесь мне хочется привести несколько примеров из произведений нашего земляка, моего любимого поэта – И. А. Бунина. Он принял эстафету от писателей более раннего поколения, живших до революции. Кроме того, в прозе Бунина особенно чётко проявилось переломное время и его восприятие.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН

Иван Алексеевич Бунин не простой человек. Потомственный аристократ, барин.

И его отношение к крестьянам в разные годы проявилось неодинаково. Вспомните короткий рассказ «Танька», изданный в 1892 году, время очередного голодного года (1891-1892) в центре России. – Деревенская семья, – девочка лет десяти, мальчик моложе, мать. Отец где-то на заработках, скорняк. Когда приходил домой, говорил, что везде: «беда», – *полушубков не шьют, большие помирают*», – и он только чинит кое-где у богатых мужиков. «...Когда батя ушёл, совсем почти есть перестали...».

Корова продана, лошадь – тоже. Бунин описывает случай, когда старый барин, проезжавший мимо, уговорил и взял Таньку к себе домой. Покормил, играл ей на гитаре, пел...

«Он глядел на задрёмывавшую Таньку, и ему стало казаться, что это она, уже молодой деревенской красавицей, поёт вместе с ним песни: По заре-зарю играть хочется!»

Деревенской красавицей! А что ждёт её: что выйдет из ребёнка, повстречавшегося лицом к лицу с голодной смертью?»

«Он вспомнил соседние деревушки, вспомнил их обитателей. Сколько их, таких деревушек, – и везде они томятся от голода».

И уже не в голодные годы, в рассказе «Деревня» (1909 г.), на ярмарке (похоже, что в Ельце), богатый мужик размышляет:

Сколько зерна привезли на ярмарку, половину России кормят, а хорошо, если в этом городе сто человек досыта хлеб едят!

Можно привести и другие примеры, когда Бунин сострадает крестьянам, бедным. До революции. Заканчивая стихотворение «Деревенский нищий» (1886 г.) о старике-инвалиде, бродящем по сёлам с просьбой о подаении, приведу только последние две строки:

*«Грустно видеть, как много страданья
И тоски и нужды на Руси».*

Кажется невозможным такое сочувствие, доброта и такая резкая перемена после революции. Точнее, уже в революционные годы. Его «Окаянные дни», написанные в Одессе 1920 года – полная противоположность отношения к бедноте.

Для высокообразованного барина, конечно, признать человеческое равенство с неграмотными крестьянами, было катастрофой. И место жалости занимает ненависть.

В голодное время Бунин только сострадал. Иначе вели себя многие писатели и другие образованные люди. В период голода воронежский писатель А.И. Эртель организовал помощь голодающим крестьянам, обратившись с пись-

мом в газету «Русские ведомости». Многие стали присылать деньги, на них организовали столовые в восемнадцати селениях. В это время помогал крестьянам и Л.Н. Толстой. В 1892 году выезжал в Нижегородскую, а позже и Воронежскую губернию для организации помощи голодающим А.П. Чехов.

Засуха, а значит, и голод периодически посещали Россию. Страшный голод был в 1891-1892, 1896-1897, в 1912 году, когда вымирали от голода целые сёла...

О том, как жили крестьяне не только в голодные годы можно узнать и у А. И. Эртеля, прочитав его хотя бы «Записки степняка»... Трудно жили и рабочие. Не случайно в начале прошлого века в деревнях крестьяне жгли усадьбы особенно ненавистных помещиков, а в Москве строили баррикады на Красной Пресне.

Но особенно тяжело жилось крестьянам во время засухи, значит – голода.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ З. К. СОКОЛОВОЙ

О голоде в Воронежской области отдельная глава в воспоминаниях Зинаиды Сергеевны Соколовой (родной сестры К. С. Станиславского). В 1896 и 1897 годах она с мужем Константином Константиновичем, помогала крестьянам, они давали семена голодающим.

Весна 1896 года:

«Стараешься представить себе крестьянина без семян и лошади. ... В голове зашевелились мысли, понеслись вихрем! Можем ли мы, имеем ли право рассуждать: нужно или не нужно помогать голодающим, что выйдет из этой помощи? Допустимо ли бездействовать? И отвечаю себе: нет! Мысленно перебираю разные доводы против помощи голодающим и опровергаю их.»

Пусть опять будет засуха, и ко времени жатвы нивы опять покроются засохшими всходами с массой трещащих кузнечиков, пусть паровые поля опять станут пепельно-серыми, растрескавшимися, а трава на них выгорит и засохнет. Пускай природа сведет на нет нашу помощь посевными семенами. Ну что же? Крестьян обманет природа, надежда на урожай, но мы-то не обманем, веру крестьянскую в братскую любовь, в сострадание не нарушим, а вера эта в переживаемый год крестьянам, пожалуй, нужна больше, чем большинству из нас! Ведь перед ними стоят такие вопросы: «Умрёт ли мой мальчик, сынок мой, надежда!» «Не пойти ли по миру?» «Не бросить ли семью и не закабалиться ли в батраки?»»

«Припоминается мне и такой довод: «Крестьяне! Это такие лентяи, негодяи, воры, пьяницы!» Но разве эти отрицательные свойства встречаются у одних крестьян? А если взвесить и сравнить причины, породившие эти отрицательные черты не только в крестьянах, но и в их обличителях?»»

разве воров и негодяев среди крестьян так много, что из-за них должны страдать большинство?».

«Да. Жутко народу, но жутко и нам: «Один в поле не воин», а нас ведь всего горсточка, вместе с присылающими нам пожертвования! А голодающих, а нужды целое море! А сколько недоброжелателей у деревни, сколько критиканствующих, иронизирующих! А сколько палок в колёса вставляет нам правительство. Как не возмущаться правительственной политикой! «Кормить, устраивать столовые незаконно и воспрещается! Нет голода! Лошади не падают, семян хватит» и прочие небылицы, которыми старались усыпить совесть сограждан, отгородиться от сделанных ошибок, заслонить крестьянскую темноту, нищету, малоземелье».

«Среди зимы в Воронеж приехали курсистки и студенты, чтобы принять участие в помощи голодающим. Местный губернатор взял с приехавших слово, что они не уедут из города в деревни, пока он сам «не откроет голода». До апреля «помпадур» голода не видел...». «Но вот «голод открыт». Не хватает ни людей, ни хлеба, средств и подавно».

(С 1894 по 1898 год воронежским губернатором был Владимир Захарович Коленко –1852-1907).

Весной 1897 года выдача «зерна» у амбара. «Приём у амбара, на дворе... Толпа тесно окружает нас... С плотины идут всё новые и новые «получатели»... «Всё те же просьбы, всё те же заботы, то же горе: нет хлеба, нет семян, картофеля, нечего продавать, не знаешь, за что и взяться, – вот что слышишь и у стола, и у колодца, амбара, везде, везде... Если и увидишь смеющиеся два-три лица, то и тут смех этот на ту же тему – ирония над своим положением. Невольно приходят на ум некрасовские слова: «Вот где надобно учиться – верить и терпеть».

Помимо помощи семенами, Соколовы открывали столовые для голодающих крестьян.

Соколовы – молодая супружеская пара весной 1894 года приехала в небольшое сельцо Никольское Воронежской губернии. Дочка богатого фабриканта Алексеева, и её муж – старший хирург Бахрушинской больницы переехали в село, желая «...жить и работать для народа». «Счастливей нас, кажется, не было людей на всей земле! Какой свет был в наших душах!».

Её муж, Константин Константинович Соколов построил сельскую поликлинику, стал земским врачом, лечил крестьян.

Жена помогала мужу в лечении, занималась работой по открытию школ. На собственные средства Соколовы построили две школы – в Никольском и Спассовке (Супруновке), с трёхгодичным обучением. Зинаида Сергеевна преподавала музыку и хоровое пение. Крестьяне были неграмотные, особенно женщины. Темнота, невежество – страшными!

В рассказах о том, как началось школьное дело, она упоминает, как темна была деревня. Крестьяне плохо понимали интеллигентную речь, например, «извини», «не обращай внимания». Говорили: *чаво, ково, таперя, дюже, чудок, гуторить*. Эти слова памятли мне с довоенных пор, когда на рынке покупали продукты у колхозников. Надо сказать, некоторые остались и сейчас в культурной речи – *уморилась, нынче...*

Суеверия властно царили над старыми и малыми.

«В конце голодного 1892 года Александр Иванович Эртель, кормивший на пожертвованные деньги всю округу, задумал построить для многолюдного села Макарья школу». «Деньги на школу Александру Ивановичу пожертвовала Варвара Александровна Морозова и мой отец».

«Я была на закладке школы с Александром Ивановичем. Была большая толпа народа, были и несочувствующие среди толпы. Конечно, служили молебн, но и это не успокаивало подозрительных крестьян. Думали, что Александр Иванович не снимет шапку, чтобы не обнаружить намечавшиеся рога. Приложился ли к кресту? Будет ли креститься?». «Очевидно, экзамен он свой выдержал, так как на селе почти все стали ждать окончания постройки и собирались учить своих малых».

В воспоминаниях Зинаиды Сергеевны есть глава «Темнота». Она пишет: *«Наш скромный хутор и наша скромная жизнь, непохожая на жизнь окружающей интеллигенции того времени, в то же время наша широкая и разнообразная деятельность среди народа интересовала всю округу, и интеллигентный класс, и крестьян. Как с первых дней нашего появления, так и много лет после, выдумывались разные толкования о нас самих, наших поступках, и рассказы эти доходили до чего-то сказочного, сверхъестественного».*

«Считали нас антихристами, глупыми чудаками, хитро старались проверить нас, то ли говорят о нас».

Константин Константинович казался им просто «чудаком». С ним и не сообразишься, каков он есть. Были даже вопросы:

– Али он дурачок? Больно прост с нами!»

Ходили слухи, что Константин Константинович свои дьявольские значки на руках крестьянам ставил, что те, которые хлеб и пшено во время голода получали, кровью ему расписывались после смерти ему душу свою отдать в ад».

Зинаида Сергеевна описывает ещё много разных толкований, слухов.

«Легенды о нас плелись, как кружева, и передавались с увлечением друг другу. Но стоило посетить николевские спектакли или побывать на приёме у моего мужа, и большинство из соприкасавшихся с нами оказывались побеждёнными, вероятно, благожелательным и простым нашим обращением».

Удивляло, что *«Там мужики садятся с господами за стол, там их и чаем поят, и всё...»*

Никольское. Крестьянские дети. (Из книги З. К. Соколовой)

Соколовы стали хлопотать о строительстве школы. Осенью 1895 года на сходке предложили миру. *«Без согласия, приговора мира нельзя было открыть школу. Нам нужно было убедить крестьян, что школа нужна им».*

Были сторонники, были и противники. *«Школа от церкви и от Бога отведёт детей наших. Не желаем мы школы, не надо. У нас есть приходская школа (за 5 вёрст)».*

В тот день сход так ничего и не решил, но потом разрешение всё же дали. *«1895-1896 годы были годами организации двух школ».*

В близлежащих сёлах не было совсем грамотных женщин, ни одной. Крестьяне считали, что женщинам грамота ни к чему. Но всё-таки удалось уговорить, отправили нескольких и девочек в школу.

«Ходя по избам, мы познакомились с положением никольских крестьян. На 50 дворов приходилось 12 или 15 лошадей. Коров немногим больше, овец – как исключение. Поросёнок один. Плугов – ни одного. Молотилок – ни одной. Избы, большинство кизяковые (большие квадратные кирпичи из глины и навоза). Крыши соломенные. Много изб совсем плохих. 2 избы по-чёрному топили, то есть без труб, но во время топки отворяли дверь. Такие избы были у усманцев и Игната Башмакова, кажется. Стены – чёрные, глянцевитые, как лаком покрытые, и длинные, чёрные сосульки на потолке». «Деревня была очень бедная».

Хлопоты, школа внесли много изменений в сельскую жизнь. На втором году обучения школьников Соколовы свозили детей в Воронеж, а в 1902 году – в Москву. Школьники первого выпуска трёхлетней школы писали сочинения.

«Было хорошее сочинение Лисейки (Елисея) Новикова, ученика Супруновской школы. Он не раз от отца, матери слышал рассказы, как проводили сквозь строй восьмерых супруновских крестьян и как ссылали их в Сибирь. Его дед был в том числе» «Передам содержание своими словами. Помещик (Супрунов Михаил Николаевич (1825-1879) – дворянин. Инженер-подпоручик. В 1865 году – председатель Воронежской земской управы, в 1862-1865 и 1868 годах – предводитель Воронежского уездного дворянства) прогневался на крестьян своей деревни, которая находилась вплотную с господской усадьбой, он решил на месте деревни развести парк. Решил крестьян переселить версты за 3 от себя в чистом поле без воды. Мужики отказались переселиться. Тогда были вызваны солдаты, каждого крестьянина проводили сквозь строй. Стояли два ряда солдат с прутьями. У мужиков руки были привязаны к дулу ружья, за которое два солдата тянули привязанного мимо солдат, которые и стегали проходившего с обеих сторон, стегали так, что тело делалось красно-синим. Если солдаты стегали их не как следует, они подвергались тому же. Когда отвязывали руки, наказанные падали на землю и скребли от боли «когтями землю и набивали ею рот». Многие крестьяне убежали перед наказанием в лог, где и прятались, а «семейские», крадучись, ночью носили им еду.

Так как мужики всё-таки не сдавались, 8 человек главарей сослали в Сибирь. Из Воронежа их гнали по большой дороге недалеко от деревни. Народ ходил на дорогу глянуть, поклониться им». «Уходил в Сибирь и дед Лисейки. Я ещё застала в живых тех стариков, сосланных и вернувшихся из Сибири».

В архиве сохранилось подробное описание этой истории. (Крестьянское движение в Воронежской области. Документы и материалы. Воронеж, 1961 год. С. 68-72.).

Соколовы создали сельский театр, устраивали спектакли для крестьян, в них участвовали и крестьяне.

В 1905 году Зинаида Соколова уехала в Москву из-за необходимости учить дочерей (своей и приёмной). Но связь с жителями Никольского продолжалась все последующие годы, уже и после Великой Отечественной войны. По её инициативе в Никольском в годы первой мировой войны был создан госпиталь, где работал её муж до конца своих дней. В 1919 году он заразился тифом во время эпидемии, выздоровел, но вскоре умер.

В 1916-1918 годах Зинаида Сергеевна в Московской больнице для слепых учила их писать и читать. Позже как режиссёр и преподаватель сценического искусства работала в театрах брата 29 лет. Умерла в 1950 году в возрасте 85 лет.

Дом Соколовых (ныне сельская школа. 2004 г.) (Из книги З. К. Соколовой)

О жизни и деятельности Соколовых сведения из книги Зинаиды Соколовой «Наша жизнь в Никольском. Деревенские записки». Издательство: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, Воронеж, 2004, 288 с.

Создание сельского театра не прошло бесследно. Уже сейчас более десяти лет в Никольском проводится областной фестиваль сельских театральных коллективов. «Театральные встречи в Никольском» – уникальное явление. К сожалению, в этом году, спустя более ста лет после создания, школу в Никольском закрыли, хотя фестиваль провели (сведения из ТВ, 2008 год).

Надо сказать, что создание лесозащитных полос в конце сороковых годов (Сталинский план преобразования природы, разработан на основе многолетних исследований НИИ им. Докучаева, Каменная степь), помогло бороться с засухой: теперь снег зимой задерживается на полях, земля больше запасается влагой. Потому в последние годы таких страшных бедствий не бывало. А когда в семидесятые годы засуха поразила около двух десятков областей, государство использовало запас – урожаи предыдущих лет, потому голода население не испытало.

Если сравнить человеческое общество с растением, – крестьяне – это корни, питающие надземную часть. Но корни должны получать питание и от листьев: необходимо взаимодействие, ни те, ни другие не смогут жить отдельно, независимо. Когда мы это поймём?.. Отношение к крестьянам и сейчас желает много лучшего.

Мне кажется, говоря о прошлом, особенною ценность представляют дневники. М. Пришвин в своём дневнике 2 марта 1916 года написал: «...если пойдёшь за ответом по делу земному – великая откроется картина зла, царящего на Руси». О жизни селян, как и о еврейском погроме в Киеве, есть и в воспоминаниях Константина Паустовского.

ОТРЫВКИ ИЗ ЗАПИСОК КНЯГИНИ М. К. ТЕНИШЕВОЙ

Наиболее интересными мне представляются записки княгини Марии Клавдиевны Тенишевой.

В 1991 году Ленинградским отделением «Искусство» издана книга княгини М. К. Тенишевой: *«Впечатления моей жизни»* – одновременно дневники и воспоминания. Как пишет исследователь её жизни и творчества Л. Журавлёва: *«... это редкий документ, написанный не в далёкой эмиграции по прошествии многих лет, а по следам событий, которые резко меняли жизнь и самой Тенишевой».*

После смерти М. К. Тенишевой в 1928 году (родилась в 1867 году) её записи в 1933 году опубликовало Русское Историко-Генеалогическое общество во Франции. Известная в конце позапрошлого и начале прошлого века, меценат и деятель культуры, просветитель, – последние годы жила во Франции. Время её выезда из России не указано.

В 1882 году она второй раз вышла замуж, за князя В. А. Тенишева. *«Его считали крупным дельцом, умным, решительным человеком, создавшим много крупных коммерческих предприятий, между прочим, он был душой и организатором акционерного общества Брянских заводов»*, – так писала о нём княгиня. *«Близ Екатеринослава (Днепропетровск, Г. Э.) находился металлургический завод, принадлежавший Брянскому обществу, председателем правления которого был мой муж, и под его руководством дело это процветало и получило огромное развитие».*

Началась их совместная жизнь на заводе.

«Через дорогу, как раз напротив нашего дома, начинался завод, ближайшей мастерской которого был мостовой корпус с 1500 рабочих, строящих огромные железнодорожные мосты и паровозные котлы и работавших в две смены. День и ночь оттуда нёсся неистовый грохот молотков заклёпщиков котлов».

«При заводе была гостиница, в которой останавливались люди, приезжавшие по делам завода, всевозможные комиссионеры, поставщики, представители различных фирм, а главное, подолгу жили «приёмщики» – артиллерийские офицеры и инженеры. Это были совершенно особенные люди – «типы»...

Когда поселялся для приёмки снарядов какой-нибудь артиллерист, то, начиная с мужа и кончая самым маленьким деятелем завода, всё угождало и стелилось перед ним, как перед каким-нибудь принцем. Дело в том, что принимать правительственные заказы следовало бы поручать людям с неподкупной

совестью». «Но когда совесть подкупная, то даже при безукоризненном исполнении заказа разговор очень простой: «нехорошо» – и уехал.

Такие «приёмщики» жили на заводе иногда восемь месяцев, иногда год, пока вся партия не принята, и, к сожалению, это были всё подкупные люди. Уже один их образ жизни был что-то поражающее. Для них был отведён особый бюджет, во-первых, в кассовых книгах, во-вторых, по отчётности завода. По этим книгам видно было, что г. Х. каждое утро съедал две коробки сардин, полтора или два фунта икры, выпивал невероятное количество вин, шампанского, водки и т.д. В карты он играл до восьми часов утра, и ему была нужна компания. Капризам и требованиям этих господ не было конца, и их боялись больше всего».

«Мало-помалу я заинтересовалась заводом, стала спрашивать о нём, изучать быт и условия жизни рабочих и экономическое положение их» «...и понемногу передо мной развернулась целая картина истинного положения рабочих на заводе». «Кто же, как не они, дал этим деятелям, да и мне с мужем, благосостояние? Кто от этих тяжёлых трудов, пота и мозолей получал львиную долю? Конечно, – мы все...

А что было дано этим немым, безымянным труженикам взамен пролитого пота, утраченных сил, преждевременной старости? Кто до этой поры позаботился о них? Об улучшении их жизни, их детях? Кто прислушался к их голосу, их жалобам, их нуждам? Никто... Верхи неумолимо попирали низы с какой-то жестокостью, не оглядываясь по сторонам».

«На двадцать тысяч жителей заводского населения была всего одна школа на четыреста человек. Учитель – он же заведующей школой – был человек узколобый, тоже сытый, слепой и глухой до всего живого. В его руках была торговля учебными пособиями, тетрадями, карандашами, учебниками. Он тоже наживался, сделав из этого монополию. Купить что-либо подобное на заводе было негде, он и брал с учеников что хотел». «В школу попадали дети исключительно богатых мастеров, и как бы не был способен ребёнок, это не принималось в расчёт, если отец его не был достаточно зажиточным».

Княгиня, деятельный человек, занялась изучением быта заводских рабочих.

«Условия жизни рабочей семьи в Бежеце были тяжёлые. Рабочие жили в огромных двухэтажных деревянных казармах, разделённых на множество мелких квартир, в которых помещались две, а часто даже и три семьи. Вокруг этого тесного и неопрятного жилища ютились наскоро, кое-как сколоченные хлевки для коров и свиней, расточая зловоние и непролазную грязь вокруг».

Через несколько лет Тенишева поселилась в приобретённом селе Талашкино.

«Как-то совестно было жить в нашем культурном Талашкино, в убранстве и довольстве и равнодушно терпеть кругом себя грязь, невежество и непроглядную темноту», «... и совсем уж было противно в разговорах со мно-

гими из богатых помещиков нашего края слушать, как эти люди, часто без милосердия притеснявшие мужиков, называли их «серыми», презирали и, как заводские деятели когда-то в Бежеце, видели только во всём себя и свою выгоду»

Зиму 1915-1916 года уже вдова, княгиня Тенишева прожила в Москве.

«Общее настроение тогда было ужасное. Измена Мясоедова, Сухомлинова и других тяжёлым камнем легла на душу каждого из нас. Наше грандиозное и в то же время позорное отступление из-за недостатка снарядов, падение одной крепости за другой и, наконец, последний удар, взятие Варшавы, всё это убивало всякую надежду...».

«В течение этой зимы мне удалось ближе познакомиться с некоторыми слоями современного московского купечества и изучить их нравы». «Та часть московского купечества, с которым я столкнулась, живёт очень богато, в больших хоромах, дворцах». «Кушает он (купец – Г. Э.), несмотря на дороговизну продуктов и войну, много и хорошо. Но он не эгоист, он любит это делать в большой кампании. У него открытый дом, и подают на обедах всего так много, что хоть в карман клади и домой уноси».

«Ни в одном городе я не чувствовала так «бряцание деньги», как в Москве».

1916 год

«Всего ещё два года тому назад, в начале этой страшной войны, я безгранично верила в нашу мощь, честь и патриотизм. А теперь?!.. Глубокая вера моя потрясена во мне до глубины...»

«Давно, давно, ещё задолго до войны, я с отвращением отошла от того круга людей, который присвоил себе название «высшего общества», и поняла всю пустоту, глупую напыщенность, ограниченность и продажность большинства его представителей».

«День за днём газеты приносят нам обличительные столбцы, не сплетен, о нет, а отталкивающих фактов, преступных деяний лиц, принадлежащих к всевозможным слоям общества».

«Теперь, когда ежедневно в газетах появляются обличительные статьи о постыднейших поступках, вредящих нашему успеху на войне, теперь-то немцы могут сколько угодно нас презирать... Мы этого вполне достойны! Сунулись воевать, а пушек нет, снарядов нет, ружей нет, да и вообще нет ни порядка, ни стойкости, ни согласованности...» «...и развал, устарелый, давнишний развал принимает грандиозные угрожающие размеры...».

«Родина, религия, долг давно уже сделались у нас только словесной формой. В эту торжественную одежду облачается большинство наших так называемых государственных деятелей в тех случаях, когда нужно им прикрыть своё духовное убожество или затушевать свои низменные, мелкие и эгоистические страстишки».

Война на деле показала, что способных генералов, как Алексеев, Брусилов или Лечитский, у нас едва ли найдётся несколько человек, но и им бездарности завидуют, их затирают и хода не дают».

«Но чего же нам ждать от убожества, нарядившегося в генеральские мундиры, в звёздах и лентах? Что делали они в мирное время, как жили и относились к своим обязанностям? В Петербурге всем известно, как живут эти господа. Я знала много таких с большим положением господ и всегда поражалась их тупости, пошлости и главное – феноменальному невежеству».

«Наше общество сверху донизу заражено тунеядством, и это хроническое ничегонеделание теперь, во время войны, является преступлением перед родиной и предательством».

«Оказывается, в Курске теперь стало семь уполномоченных по снабжению населения продуктами, и в то же время в Курске нет ни масла, ни дров, ни муки?! У нас в Смоленске дело продовольствия обстоит не лучше. Такая же неурядица, отсутствие жизненных продуктов, хвосты у лавок в двадцать с лишним градусов мороза. В этих хвостах стоят несчастные матери семейства, бросившие своих детей дома на произвол судьбы» «между стоящими видны детские головки 8-9 лет, дрожащие, посиневшие от холода старухи. Весь этот люд иногда уходит неудовлетворённым за неимением достаточных запасов, и после пяти-шести часов стояния лавку запирают у них перед носом...».

«В июле у нас пронёсся слух, что в интендантских складах сгноили 5 тысяч пудов мяса, а затем тут же была объявлена в нашем уезде реквизиция скота».

В селе Флёново, принадлежащем Тенишевой, расположилась организация, называемая – конский Красный Крест.

Тенишева пишет: «Наш веселящийся Красный Крест, засевший во Флёнове, представлял весьма неприятное соседство». «Саркисов и его персонал, в составе около 150 человек, жили во Флёнове припеваючи. К этим господам на дачу съехались их жёны с семьями. Песни с утра до ночи так и лились со всех сторон, пьянство и разгул царили вовсю...»

О священном долге перед родиной или патриотизме вокруг нас и речи быть не могло. Эти чувства были в загоне и при общем бесшабашном настроении казались почти смешными, каким-то абсурдом».

Тенишеву беспокоит состояние сельского хозяйства и отношение к нему государства.

«За последнее время с большой настойчивостью начали, наконец, кричать и газеты о нуждах сельского хозяйства...».

Тенишева написала письмо в министерство: «Защита сельскохозяйственных интересов представляется мне в настоящее время как самое главное дело в России. Удешагерённые барыши фабрикантов и мануфактуристов представляют поразительный контраст с жалким положением сельских хозяев, разоряющихся дотла во имя спасения отечества». «Значительные недосевы,

наблюдаемые всюду, - лучший показатель того, что наше сельское хозяйство дезорганизовано. Если не будут приняты со стороны государства самые решительные меры ему в помощь, то продовольственный вопрос примет угрожающий характер». «Теперь уже победит тот, у которого не только пушки и снаряды, а и которого продукты сельского хозяйства будут в достаточном количестве».

М. К. Тенишева, живущая после завода в деревне, переживает за крестьян.

«Крестьянская семья – это та самая страстотерпица, на которую обрушилась вся тяжесть настоящей войны». «В деревне остались лишь дряхлые старики, бабы да малые ребята. Надо прибавить ещё, что остались только многосемейные бабы, робкие, а пошустрее девки, да бабы побросали свою землю и ушли на заработки в города. Деревня окончательно осиротела, осиротела и крестьянская семья». «После нескольких реквизиций в деревнях почти не осталось скота...».

«...солдатки получают паёк на себя и на детей»....

«Горожане думают – на что крестьянам деньги? Ответ прост».

(Тенишева приводит перечень цен на разные предметы, необходимые в сельском хозяйстве, они поднялись в три-шесть раз).

«Если у крестьянина и завелась денюга, так её всеми неправдами стараются у него из рук вырвать. Твёрдые цены установили только на хлеб и на скот, т. е. на то, что крестьяне производят, а на то, что они покупают, твёрдых цен нет, и с них дерут за всё три шкуры. Конечно, в крестьянской среде есть и кулаки-миродеды, и бесшабашные головы, но что это перед нашим купечеством? Просто, можно сказать, детская игра...».

«Однажды зашипело на земледельцев «Утро России», бессмысленно обрушившись на «аграриев» за то, что мужики во время осеннего бездорожья не подвозят хлеба в достаточном количестве. По-видимому, «Утро России» не имеет никакого понятия о настоящей русской деревне, о её невылазных дорогах, мостах и расстояниях. Вероятно, оно не слыхало, что у крестьян лошадей почти не осталось, во дворах хозяйничают одни бабы, что оторваться женщине от дневных работ и ехать, нередко с грудным ребёнком, за 30-40 вёрст, оставив свою хату и скотину на попечение малышей, невозможно».

Дальше княгиня возвращается к теме войны.

«Зимой на фронте нельзя ожидать каких-либо успехов, когда и летняя компания ознаменовалась только одними победами генерала Брусилова в Галиции, правда, большими, но далеко ещё не приближающими развязки войны. Полное и необъяснимое бездействие на остальных фронтах угнетающим образом вот уже более года ложится на общее настроение, и даже выдающаяся доблесть Брусилова понемногу была забыта. Чёрный маразм – уныние мало-помалу охватило все умы, и одновременно с этим начали распространяться страшные слухи о какой-то измене, тёмных силах и оскорбительном для нас сепаратном мире».

«Наконец-то нашлись у нас мужи, и Россию, может быть, можно ещё спасти! 1 ноября раздались с трибуны Государственной думы честные речи графа В.В. Бобринского и Пуришкевича, а затем и в Государственном совете графа Олсуфьева и других. Эти речи с их беспощадной правдой ужасны, пролитый свет на действительность страшен!».

«Как я ожидала, так и произошло – клич кликнули, и все отозвались как один человек, от высших слоёв общества, до самой глухой деревни». «И что же на всё это? Репрессалии, отставки и наперекор здравому смыслу назначения, вроде Протопопова».

«Атмосфера всё больше и больше сгущается, злое, глухое недовольство растёт. Дальше идти некуда, тёмные силы довели Россию до порога гибели».

Дальше о Распутине:

«Участницами этого негодяя замешаны матери семейств, вдовы и девицы всех сословий и общественных положений. Всё это сбившиеся с истинного пути психопатки». «Наоборот, это поощряется, и вокруг хлыстовского ядра происходит нарастание всевозможных льстецов, предателей и продажных людей без совести, преследующих исключительно своекорыстные цели и пролезавших за взятки через всемогущего Распутина на разные ответственные и прибыльные места. Какая вакханалия, разнузданность, а, главное, какой позор!...».

«Утром газеты принесли нам следующую новость: «Убийство Григория Распутина!». Слава Всевышнему!». «Все, живущие в России, от тёмной хаты и до пышного дворца, знали давно, кто он, чем держится и чего стоит. Не было человека, который не возмущался бы этой грязной хлыстовщиной, развратившей часть нашего общества, да ещё какого сорта часть общества!...».

«У всех надежда, что со смертью Распутина главный корень зла, может быть, будет устранён, но у меня на душе очень тяжело, будущее и страшно, и темно...».

«Теперь осталось всего лишь 5 часов до конца этого злосчастного года. Что-то нам сулит 1917 год?».

Прочитав записки княгини, начинаешь узнавать правду о положении в России и её «мощи» в конце XIX и начале XX века.

Философия учит, что всё имеет свои причины и свои следствия. Из того, о чём мы сейчас говорили, думаю, понятны причины, которые привели к революции.

Но почему Февральская революция переросла в Октябрьскую Социалистическую, надеюсь, будет понятно из описания дальнейших событий. Записки княгини Тенишевой закончены в последние дни (и часы) 1916 года, о дальнейшем времени продолжим из дневников М. М. Пришвина.

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКОВ М. М. ПРИШВИНА

Петроград, 1917 год

24 февраля. Вчера забастовка рабочих.

26 февраля. Сегодня 26-го все газеты не вышли. Весь город наполнен войсками. Фабриканты говорят, что забастовка не экономическая, а политическая. А рабочие требуют только хлеб». «Общее мнение теперь, что хлеб есть, и градоначальник вывесил объявление, что хлеб в Петрограде есть. И так вообще по Руси: «хлеб есть», но хлеба не дают.

27 февраля. ... На улице объявление командующего войсками о том, что кто из рабочих не станет завтра на работу, призывается в действующую армию. Мелькает мысль, что, может быть, и так пройдёт: вчера постреляли, сегодня попугают этим и завтра опять Русь начнёт тянуть свою лямку...

Прихожу к начальнику с докладом, а он говорит: теперь всё равно: Артиллерийское управление захвачено бунтующими войсками. Предварилка открыта – политические выпущены и проч.

Но бумаги мы продолжаем писать в министерство земледелия о том, что вследствие недостатка муки и рыбы каменноугольные копи Донецкого бассейна должны прекратить работу, что Невьянские заводы должны прекратить перевозку дров по недостатку овса».

28 февраля. Кончается длинный, длинный день, чуть долетают в квартиру с улицы выстрелы пулемётов...

... В университете организуются санитарные отряды и питательные пункты, тут все новости: что распущены Дума и Совет, что телеграмму царю послали.

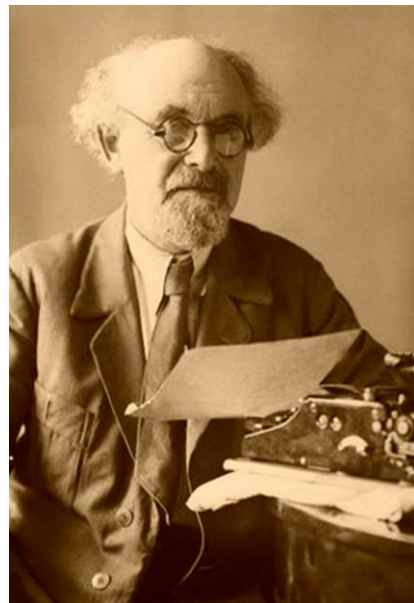
1 марта. Из любопытства прохожу по зданию министерства: всё пусто, нет ни души. Зато в университете, как в 1905 году.

Обстрел Зимнего дворца, раздача оружия малолетним. Вопрос – где царь. Легенда слабая «царь сдался». Обстрел Зимнего дворца. А Протопопов будто бы скрылся в Зимнем дворце, но ему предложили сдаться, потому что из-за него разобьют дворец, и он сдался и впал в обморок, и его на носилках унесли в Думу.

Жуткий вопрос, что делается в остальной России – никто этого не знает... Кто-то говорит: радость какая, будто Пасха.

(Протопопов Алексей Дмитриевич – с сентября 1916 года по февраль 1917 года, – министр внутренних дел царского правительства. Пытался вооружённым путём подавить Февральскую революцию).

2 марта. Утренний пеший поход в Государственную Думу. Полная тишина: ни одного выстрела.

В Думе: у жерла вулкана. Котёл с пищей под кафедрой – солдаты едят. Екатерин. зал: солдатский митинг.

3 марта. *Время. Редко может кто сказать о событиях с точным определением времени, так много всего пробегают в обыкновенный его час. День чудесный – солнечно-морозный Март. И возрастающая радость народа. На Невском огромное движение, снимаются иллюминационные императорские гербы, складывают в кучи, зажигают, а в витринах показывается объявление об отречении царя. Процессия рабочих-солдат с: «социалистическая республика» – «вставай, подымайся». («Боже, царя» не существует).*

5 марта. *В ожидании первых газет длинная очередь. И когда они вышли, то с разных сторон города весь день, возвращаясь домой, пуками, как носят вербу, цветы, несли газеты, кто какие добыл.*

Прорвалось – нарыв... самые употребительные слова. Может быть, там, на фронте (в Госуд. Думе) все ещё боятся краха, но здесь, в тылу, совершается празднество настоящей великой победы.

– Товарищи! – говорит извозчик, – посторонитесь.

– Товарищ! – говорит офицер извозчику, – довези до Литейного.

Появились в ходу огромные бумажные цветы, и солдаты их лепят и на грудь и на живот.

30 марта. *...Та часть народа, которая призывала к верности царю, сама ни во что уже не верила. Не было времени, и можно было узнать его скорость лишь в быстрой смене министров и росте цен. В тишине безвременья каждый давно уже стал отворачиваться от забот государственных и жил интересом личным: все грабили. Это привело к недостатку продуктов в городах и армии. Недостаток хлеба вызвал бунт солдат и рабочих.*

21 мая. *Министры говорят речи, обращаясь к столичным советам, съездам, к советам съездов, к губернским комитетам, уездным, волостным и сельским. А во всех этих съездах, советах и комитетах разные самозванные министры тоже говорят речи, и так вся Россия сплошной митинг людей.*

16 июля. *Керенский и Чернов становятся палачами. И делают они совершенно то же, что и буржуазия, заменяя название целей – «незыблемая основа трона», «священная прерогатива монарха» и проч., своими названиями: «завоевания революции, основы демократии» и проч. Изменяются слова и формы, сущность остаётся совершенно одинаковой.*

8 сентября. *Брошена земля, хозяйство, промышленность, семья, всё опустело, всё расщепилось, в десятый раз умерли всякие покойники: Тургенев, Толстой, закрыты университеты, еле-еле живут люди в городах, получая половину фунта хлеба в день.*

14 сентября. *На меня, приехавшего из провинции, сильнейшее впечатление производит выступление Керенского. Я делюсь своими впечатлениями с журналистами, и они, конечно, смотрят на меня, как провинциала: они сотни раз слышали Керенского, и на них его слова не действуют. Мало-помалу и мной овладевает то же странное состояние: это не жизнь, это слова в театре, хорошие слова, которые останутся словами театра.*

Конечно, многие из присутствующих, говорящих об обороне страны, готовы пойти на фронт, положить свою жизнь за родину: но что из этого? Нужно не «я готов умереть», а «мы готовы»...

Так создаётся чрезвычайно странное состояние, как в театре: каждый из неподвижно сидящих зрителей, каждый в отдельности готов идти за своим Верховным главнокомандующим, но никто не пойдёт, когда представление кончится, и все пойдут по домам.

14 октября. ... Из деревни, приехав в город, два месяца ходил я по собраниям, в общественные говорильни, слушал внимательно, что говорят, читал записанное в газетах, накопил гору сказанных и написанных слов, и дух мой, спасаясь от гибели, забился в смертельной тоске. Нет, не теми словами мы говорим и пишем, друзья, товарищи и господа мира сего. Наши слова мёртвые камни и песок, поднятые вихрем враждебных, столкнувшихся сил.

Мы видим, Февральская революция была беспомощна: страна погибала, стали необходимы действия, руководство, чем занялись большевики.

7 ноября. Движение началось уже с первых дней революции, и победа большевиков уже тогда была предопределена.

11 ноября. Большевизм есть общее дитя и народа, и революционной интеллигенции.

31 декабря <...> Похоже и мы все в государстве Российском в заключение Нового года: испытав такую жизнь, никто не знает, что будет дальше и что нужно делать.

Я вам скажу, что нужно делать: нужно учиться, граждане Российской республики, учиться нужно, как маленькие дети. Учиться!

1918 год

19 февраля. На Невском в трамвае, как бывает, – сидят люди молча, хмуро, стоят в тесноте, поглядывают, как бы сесть. И вдруг языки развязываются, все вступают в спор, и видишь, в окошко, что на улице тоже везде кучками о чём-то говорят. Это значит, что день поворотный, исторический. Никаких газет не надо в эти дни, нужно только прислушиваться, о чём говорят.

21 февраля. Так всё напряжённо, и уже никаких митингов на улице нет и длинных разговоров... В печати появилось новое выражение: гибель социалистического отечества.

27 февраля. В трамваях заметно стало просторней: солдаты разбежались, рабочие ушли «на позиции». Говорят, будто Бонч-Бруевич кому-то сказал: мы заключили мир в Берлине.

2 марта. К вечеру узнаю, что мир подписан.

29 июля. Чтобы там ни говорили в газетах о гражданской войне и всё новых и новых фронтах, в душе русского человека сейчас совершается творчество мира, и всюду, где собирается теперь кучка людей и затевается общий разговор, показывается человек, который называет другого не официальным словом товарищ, а брат.

Хрущёво

6 августа. Политика стала личным делом такой же ценности и необходимости, как обеспечение своей семьи мукой, чаем и всякой всячиной, необхо-

димой для ежедневного проживания.

Среди разрухи, опустошения уже начинаются ростки нового:

11 августа. Горький затевает какое-то массовое издательство иностранных писателей.

Елец

22 декабря. Метель такая, что едва не погибли по дороге в баню... В городе помыться нельзя: бани по недостатку дров закрылись, в домах холод, как в окопе, развелась на людях тельная вошь. В деревню приехали помыться! Борьба со вшами и тут же забота о театре для народа.

Зимой 1918-1919 года создаётся знаменитый БДТ в Петрограде, консерватория, а ещё раньше, весной 1918 года начинает работу в Воронеже государственный университет. Он был частично эвакуирован в 1914 году из Юрьева (Тарту), но не работал. Повсеместно открываются школы.

1919 год

Елец

4 марта. Эпидемия тифа: перестали бояться. Пришёл мальчишка, весь в волдырях. Доктор говорит – умрёт, а они все выживают, и какие люди-то хорошие!....

16 октября. Завтра иду в гимназию, давать урок географии...

22 октября. Есть слух, что красными Орёл был взят на два часа, и в эти часы уже действовал Ревком.

Все власти уехали, пусто, казаки в Пушкарях, коммунисты (100 человек) и матросы пошли за Сосну в наступление, на Сенной батарее под прикрытием города, ожидается бой с разрушением зданий, с пожарами.

Пушки на Сенной.

– И так может быть, что казаков немного, отступят, а наши

– обрадуются – и сейчас же – Ревком. И очень просто!.

31 октября. В полушубке и валенках иду в гимназию, учить ребят географии нашего отечества.

18 ноября. Время от времени я прерываю свой урок географии и говорю ученикам: «Деритесь!» и все начинают возиться, греться. Через несколько минут я кричу: «Конец, начинаю!» – и опять все слушают. Помещение при 15 °С совершенно не топится.

1920 год

8 апреля. Теперь только бы не трогали нас белые и чтобы исчез повод к гражданской войне, трудовая армия быстро вычистит всё негодное.

Москва

28 июня. Дворец искусств: Луначарский читает, все слушатели с просьбами: Пастернак, Чулков, Городецкий, и проч. На другой день те же в приёмной. Вечер Бетховена в Доме печати.

Диспут Луначарского и В. Иванова.

15 июля. На Мясницкой утром: много людей, как, бывало на Невском, и все идут на службу, трамваи, грузовики, шум, грохот.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведённые выше документальные свидетельства ярко и наглядно показывают, как жилось большинству населения в России до революции. И становится понятным, почему она произошла.

Что же произошло за 100 прошедших лет?

Во-первых, мы победили в гражданской войне. О гражданской войне, её предшественнии, хорошо рассказано в трилогии А. Толстого «Хождение по мукам», у М. Шолохова в романе «Тихий Дон». Это фундаментальные произведения. Очень правдиво, ёмко, коротко о времени гражданской войны можно узнать из пьесы М. Тренёва «Любовь Яровая». Гражданская война на время смешала очень разных людей по образованию, устремлениям, поставила их в необычные условия. Мне кажется, что пьеса Тренёва – из краткого – лучшее, что написано о времени гражданской войны.

Чтобы понять наши успехи в гражданской войне против мощных сил империалистических держав (*Антанты*), обратим внимание на несколько цифр. Перепись населения, проведённая в 1913 году, показала, что в России, вместе с Финляндией (она тогда входила в состав России), проживало почти 175 миллионов человек, из них в городе – 14,2 %, в сёлах – 85,8 %. Крестьяне составляли 77,1 %, мещане – 10,7 %, дворяне 1,5 %, духовенство – 0,5 %, купечество – 0,5 %, казаки – 2,3 %, инородцы – 6,6 %, прочие – 0,8 %.

Мы видим, что подавляющее большинство населения – крестьяне. На них легла основная тяжесть войны, да и раньше им жилось невыносимо трудно.

Рабочих не выделяли как отдельную социальную группу, что позволяет говорить о незначительном их количестве, но не об их роли и значении в обществе.

Империалистическая война 1914 года обострила противоречия, усилила негативные стороны жизни, возмущение, вызвала активное противостояние народа существующему порядку. Поднялась основная масса, как потом в Великой Отечественной войне, против своих врагов. Но возмущение без управления – бунт. А бунт никогда не приводил к успеху. Народ победил потому, что управление взяли большевики, и они выражали его чаяния.

Повторю сказанное Пришвиным: *победа большевиков была предрешена уже в самом начале революции.*

Дальше, если коротко – сначала хорошо известное – за советские годы Россия из страны отсталой, аграрной, с безграмотным населением стала мировой индустриальной державой. Она смогла победить фашизм в Великой Отечественной войне, создала атомную бомбу и стала первой страной, прорвавшейся в Космос.

Страна с электричеством и радио на селе, передовой агротехникой, высокими урожаями зерновых культур. Страна, где люди не знают голода. Но глав-

ное, с населением, где не стало неграмотных людей, страна, в которой были переполнены театры, филармонии, консерватории, работали библиотеки, музеи.

Много внимания уделялось детям, их воспитанию не только в школе. Работали Дворцы пионеров с различными кружками, спортивные школы, всё бесплатно. По радио транслировали спектакли театров Москвы, Ленинграда, концерты... Далёкая глубинка приобщалась к высокой культуре.

Не всё было совершенно в этой стране, и то, чего она достигла, досталось ей нелегко. Впереди стояло ещё много задач. Об этом времени можно почитать в двух томах Сергея (не Алексея) Кара-Мурзы «*Советская цивилизация*».

Но наступили девяностые годы, в которых очень многое мы потеряли. Гражданская война, как противостояние, не закончилась в двадцатые годы, она продолжалась все последующее время, хотя приняла иные формы, стала скрытной, не массовой, продолжается и сейчас. И привела через много лет, к победе негативных сил.

Сменилась власть, флаг, герб. Страна снова разделилась на миллионеров и массу очень бедных. Государство перестало бесплатно заниматься воспитанием детей. Но их победа временная. Приведу несколько слов, сказанных Павлом Поповым, в правоте которых убеждена:

«Неопровержимо, что на более высоком уровне развития пребывает та система, где превалируют широкие и общепольные интересы, а не узкособственнические и корыстные. Эта высота объективна, независима от воли стран и народов, а тем более отдельных политиков или историков. И, если человечество действительно движется по спирали (или спиралям), рано или поздно мы опять выйдем на нужное направление на более высоком витке»

Книга Павла Попова – важный документ о событиях, происходящих в Воронеже, – сердце Центральной России, в предвоенное, военное и послевоенное время Великой Отечественной войны.

УРОКИ ПРОШЛОГО

СИЛКИНА Т. Б.

*Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее,
чтобы оно объяснило нам наше настоящее
и намекнуло о нашем будущем.*

Виссарион Белинский

Столетняя годовщина революции в России – повод ещё раз вспомнить о русских революциях и событиях предшествовавших им.

Сто лет – серьёзный срок для осмысления и анализа сложных, противоречивых, но, несомненно, значимых и важных для России событий. Периоды, предшествовавшие революции, сама революция и её последствия поныне являются актуальной темой для дискуссий. Есть желание понять, как и чем жили люди того времени, о чем мечтали, за что страдали и жертвовали не только своим благополучием, но и собственной жизнью. В нашей стране не было ни одной семьи, судьба которой не была бы связана с событиями революционных лет, не было ни одного сословия, которое могло бы остаться в стороне от проблем, связанных с кардинальными переменами в жизни всей страны.

Спустя столетие не утихают дебаты о Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года. По-прежнему достаточно как сторонников, оправдывающих необходимость революции, так и тех, кто полагают, что можно было бы обойтись и без неё. На чьей стороне правда? Каковы истинные причины, порождающие смуты, бунты, революции? Можно ли мирным путём разрешать любые вопросы и проблемы, стоящие перед народом? Можно ли почувствовать приближение катаклизмов и предотвратить их? Эти и многие другие вопросы стояли, и, пожалуй, ещё долгое время будут стоять перед будущими поколениями.

Вправе ли люди настоящего времени судить тех, кто жил до них, как умел, желая лучшей жизни, стремясь делать всё возможное для её достижения? Нет, никто не вправе судить прошлое. Здесь логично задать классический вопрос: а судьи кто? Неужели люди уже поумнели настолько, что научились жить, не совершая ошибок?

Для чего всем необходимы уроки прошлого? Совсем не для того, чтобы судить и осуждать. Прошлое нужно лишь для того, чтобы осмыслить, проанализировать и попытаться избежать собственных ошибок. Уроки прошлого должны быть назиданием для будущего – не более. За ошибки приходится расплачиваться иногда не одному поколению, и порой, дорогой ценой. Нет, не судить обязано будущее поколение, а стремиться понять, простить и сделать всё возможное, чтобы не допустить собственных ошибок.

На мой взгляд, уместно и актуально привести некоторые высказывания Натана Яковлевича Эйдельмана из книги «"Революция сверху" в России», которые можно было бы применить и к нашему времени.

«В истории каждого народа существует нечто вроде «социальной генетики» – то, что именуется исторической традицией, преемственностью, что закладывается веками, тысячелетиями и менее подвержено переменам (хотя, разумеется, подвержено), нежели техническая, внешняя сторона жизни. Общаясь, например, с современными англичанами, мы легко отыщем в их сегодняшнем многие элементы длительного прошлого – Великую хартию вольностей, революцию XVII века и т. п. Итальянцы, независимо от того, сознают они это или нет, – наследники Древнего Рима, средневековой Италии; в каждом из них «спрессованы» и века Возрождения, и время фашизма, и десятилетия послевоенного подъёма...»

В недалёком прошлом государственные деятели, полководцы, революционеры, можно сказать, брали прямые «наивные» уроки у предшественников, например, героев Древней Греции и Рима; сегодня мы тоже берём уроки, но, может быть, реже, и далеко не все, которые могут пригодиться.

Меж тем полезно, весьма полезно!

Именно в наши, казалось бы, ни на что не похожие «революции восьмидесятые» полезно оглянуться, задуматься, отыскать прецеденты.

Я ловлю в далёком отголоске

Что случится на моём веку...

<...>

У нас сейчас происходят крупные реформы, преобразования революционного характера, начатые по инициативе высшего руководства страны, «революция сверху». При этом, конечно, многообразно поощряется, поддерживается встречное движение снизу, без него ничего не выйдет; однако назовём всё же вещи своими именами: революция сверху!

<...>

Споры, споры... Все их разнообразие, наверное, легко свести к сравнительно простой формуле: как совместить два начала в том правителе, в том царствовании, той «революции сверху». Начало прогрессивное, светлое, а рядом – тёмное, зверское. Говорилось о величественном здании, которое воздвиг император, и о заложенной под это здание «огромной мине» (экономическом, политическом рабстве), достаточно ли крепка постройка, чтобы не поддаться взрыву, или угроза смертельна, неотразима?»

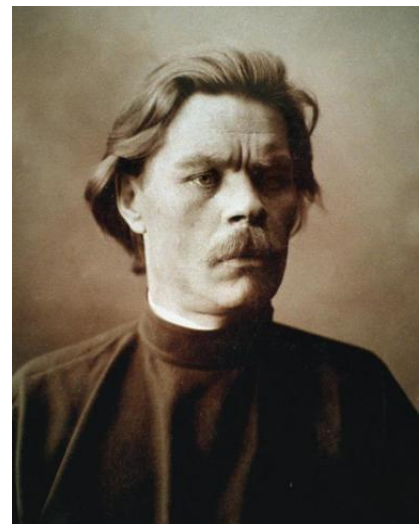
ПРЕДТЕЧИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Есть такое понятие, как предтеча – кто раньше других чувствует и осознает возможные последствия тех или иных событий, кто лучше и глубже понимает суть происходящего. Во все времена были люди, которые предчувствовали грозные события и пророчествовали: говорили, писали, предупреждали.

Кто такие предтечи русской революции? – Люди, жившие до революции, в период революции и после революции, в то смутное и тревожное время, сопереживающие, сострадающие, разделяющие общую для всей страны судьбу. Кто глубже и масштабнее ощущали и осознавали глубинные процессы, происходящие в обществе, ведущие к кардинальной ломке её устоев, люди, способные выразить свои мысли и чувства словами. Как правило, это творческие личности – писатели, поэты, учёные и просто образованные, неравнодушные к судьбе народа и своей родине люди. Таких людей было немало, вспомним хотя бы некоторых из них...

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

Выражением предчувствия грядущей революции была появившаяся в 1901 г. «Песня о Буревестнике» Максима Горького. «Песня о Буревестнике» не только призыв к революции, но и уверенность в том, что она победит. Песня эта приобрела большую популярность, гораздо больше, чем воспевшая революционный подвиг «Песня о Соколе». Новую песню широко использовали в революционной пропаганде, её читали на студенческих вечеринках, распространяли в виде листовок. Горького начали воспринимать как певца революции, как писателя, призывающего к активному революционному сопротивлению. Революционный романтизм, которым овеяна «Песня о Буревестнике», явился выражением нового идеала, новой исторической перспективы, предчувствием исторических перемен. «Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике» прочно вошли в арсенал пролетарской литературы, формируя у молодого поколения идеал человека-борца.

Однако незадолго до революции Максим Горький сокрушался в статье «Письма к читателю» (1916 г.): *«Заметно, что каждый раз, когда тот или иной коллектив подвергается давлению извне, переживает трагические годы, он, сжимаясь, создаёт, кристаллизует внутри себя ряд личностей, которые являются выразителями его чувств, мыслей, целей и настроений. Так было в годы Возрождения, накануне Великой революции ... и всегда эпохи национальных и общественных тревог являлись эпохами наиболее напряжённого творчества, были богаты талантами.»*

Жизнь нашей провинции, все ещё сонная, мечтательная, надеющаяся на помощь откуда-то извне, со стороны, — эта жизнь не может вызвать ни пламенной любви, ни острой ненависти, ни гнева, ни сострадания. Она вызывает — да и то в лучшем случае — то русское лирическое беспокойство, которое так легко гасится кабаком и застольной болтовней.

Мы, русские, живём под давлением, вполне достаточным для того, чтобы оно могло сплотить, сжать нас во единое целое, этот гнёт должен бы выделить из крови и нервов России людей великого гнева, скорби, любви, — людей пламенного чувства.

Не выделяет.

И это очень тревожно».

ФЁДОР ДОСТОЕВСКИЙ

В своей книге «Пророк русской революции» (1906 г.) Дмитрий Сергеевич Мережковский называл Фёдора Достоевского пророком русской революции: «Будущая самостоятельная русская идея у нас ещё не родилась, а только чревата ею земля ужасно и в страшных муках готовится родить её, — писал он <Ф. Достоевский> в своём предсмертном дневнике.

Сам Достоевский — первый вопль этих мук рождения.

«Вся Россия стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездною», — писал он <Ф. Достоевский> ещё раньше, в 1878 году. От этой бездны он и отворачивался, и пятился, и цеплялся судорожно за скользкие края обрыва, за мнимые твердыни прошлого — православие, самодержавие, народность. Но если бы он увидел то, что мы сейчас видим, — понял ли бы, что православие, самодержавие, народность, как он их разумел, не три твердыни, а три провала в неизбежных путях России к будущему? Она пошла туда, куда он звал, к тому, что он считал истиной. И вот плоды этой истины. Россия уже не колеблется, а падает в бездну. Самодержавие рушится. Православие в бóльшем параличе, нежели когда-либо. И русской народности поставлен вопрос уже не о первенстве, а о самом существовании среди других европейских народов».

Достоевский — пророк русской революции».

ИОАНН КРОНШТАДСКИЙ

Среди предтеч русской революции нельзя не назвать святого праведного Иоанна Кронштадского, который пророчествовал о грядущих потрясениях в России, задолго до катастрофы 1917 года предостерегавшего русское общество: что ждёт Россию...

«Если не будет покаяния у русского народа, конец мира близок. Бог... пошлёт бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами.

Откуда эта анархия, эти забастовки, разбои, убийства, хищения, эта общественная безнравственность, этот царящий разврат, это огульное пьянство? От неверия, от безбожия... На почве безверия, малодушия, безнравственности совершается распадение государства. Без насаждения веры и страха Божия в населении России она не может устоять. Скорее с покаянием к Богу! Скорее к твёрдому и непоколебимому пристанищу веры и Церкви!

Вера слову Божию, слову истины исчезла и заменена верою в разум человеческий, печать в большинстве изолгалась – для неё не стало ничего святого и досточтимого, кроме своего лукавого пера нередко пропитанного ядом клеветы и насмешки. Не стало повиновения детей родителям, учащих учащим... Браки поруганы, семейная жизнь разлагается; твёрдой политики не стало, всякий политиканствует... все желают автономии... Не стало у интеллигенции любви к Родине, и она готова продать её инородцам, как Иуда продал Христа злым книжникам и фарисеям... Враги России готовят разложение государства...

Отечество на краю гибели. Чего ожидать впереди, если будет продолжаться такое безверие, такая испорченность нравов, такое безначалие? Снова ли приходиться на землю Христу? Снова ли распинаться и умирать за нас? Нет – полно глумиться над Богом, полно попирать Его святыне законы. Он скоро придёт, но придёт судить мир и воздать каждому по делам... Человек, именующийся христианином, одумайся, возвратись к вере, к здравому смыслу, к слову Божию...

Горе тебе – лукавый, непокорный, неблагодарный человек! Все бедствия нынешние, постигшие Россию, постигли её из-за тебя! Но смотри, скоро наступит и день твоего праведного, страшного воздаяния вечного. Трясись, трепещи, человек, недостойный этого великого имени и скоро жди праведного суда Божия.

Возвратись, Россия, к святой, непорочной, спасительной, победоносной вере своей и к святой Церкви – матери своей – и будешь победоносна и славна, как и в старое верующее время. Полно надеяться на свой кичливый, омрачённый разум. Борись со всяким злом данным тебе от Бога оружием святой веры, Божественной мудрости и правды, молитвою, благочестием, крестом, мужеством, преданностью и верностью твоих сынов».

РЕВОЛЮЦИЯ И ЛИЧНОСТЬ

Среди писателей и поэтов можно назвать немало имён современников русской революции. Однако не менее интересны и полезны для истории человечества дневниковые записи и мемуарные произведения современников той поры, в которых для всего мира открывается завеса личной судьбы неразрывно связанной с судьбой всей страны.

На мой взгляд, очень показательны две личные истории, двух совершенно разных людей. Один из них – Питирим Александрович Сорокин – широко образованный, активный политический и общественный деятель, имеющий возможность непосредственно наблюдать за деятельностью вождей различных партий, встречаться с ними, играющий далеко не последнюю роль в политике и в жизни России в период революции. Другая – Зинаида Антоновна Денисьевская – образованная женщина, но далёкая не только от политики, а и в силу физического нездоровья просто от активной общественной жизни, наблюдающая происходящие события со стороны.

Что общего между этими людьми? – Общая история их страны в период кардинальных перемен, их способность не оставаться равнодушными, сопереживать и делать всё возможное для пользы на благо своей родины, готовые к любым жертвам. Оба ведут дневник, фиксируя в нём не только внешние события тех лет, но и своё к этому отношение. Наиболее важными в дневнике являются моменты трансформации их мировоззрения, меняющего свою направленность от одного полюса к другому, так называемые метаморфозы сознания. Главным качеством обоих является честность перед самими собой, а значит и перед потомками, что и придаёт исключительную ценность их дневникам.

ПИТИРИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ СОРОКИН

Питирим Сорокин родился 21 января 1889 г. в селе Турья, Яренского уезда, Вологодской губернии в семье церковного ремесленника-реставратора. В возрасте 4-х лет потерял мать. Азы грамотности Питирим получил в "зырянском" детстве, когда вместе с крестьянской детворой обучался чтению, письму и счёту на дому у одной из жительниц деревни, где проживала его тётка, забравшая к себе братьев после смерти их матери. Вместе со старшим братом Василием он обучался у отца ремеслу. Сызмальства работая с отцом в храмах, братья вели бродячий образ жизни. Отец много пил, а приступы запоя у него часто заканчивались белой горячкой. В 1899 году братья ушли от отца и продолжили путь бродячих мастеровых, но уже самостоятельно и, судя по всему, весьма успешно. В 1902 году Сорокин порывает с бродяжничеством и поступает в Гамскую двуклассную школу, готовящую сельские и деревенские учительские кадры. В 1904 году, окончив школу с отличием, Сорокин по рекомендации поступает в Хреновскую церковно-учительскую семина-

рию Костромской губернии. Очевидно, именно в это время им был сделан окончательный жизненный выбор в пользу учения. Его способность соперничать и огромное желание изменить жизнь к лучшему привели Сорокина на политическое поприще. В 1906 году он сознательно вступил в партию социалистов-революционеров (эсеров) и активно включился в процесс распространения революционных идей.

Позже в своих воспоминаниях Питирим Сорокин напишет: *«Кроме учителей и студентов здесь <в семинарии> я познакомился с кучей народа: крестьяне, рабочие, чиновники, служители культа, официальные лица, доктора, писатели, юристы, предприниматели, лидеры местных кооперативов и представители разных политических течений — эсеры, социал-демократы (большевики и меньшевики), монархисты, анархисты, либералы и консерваторы всех мастей. Благодаря контакту с этими людьми я узнал много новых идей, познал новые ценности и стал разбираться в социальных условиях. Новое окружение, новые знакомства, но главным образом моё интенсивное чтение доселе неизвестных мне книг, журналов и газет расширили и углубили мой кругозор. Мои новые идеи были вдобавок сдобрены русско-японской войной и бурлящим штормом, вылившимся в революцию 1905 года. Совокупный эффект всех этих сил оказался столь могущественным, что в течение двух лет пребывания в школе большинство моих предыдущих религиозных, философских, политических, экономических и социальных убеждений были подвергнуты пересмотру. Моя религиозность сменилась полурелигиозным отказом от теологии и ритуалов русской православной церкви. Принудительные посещения церкви, навязываемые школой, лишь стимулировали этот протест. Все моё предшествующее мировоззрение и ценности были заменены на «научно-эволюционную теорию» и «естественнонаучную философию». Былая лояльность к царскому режиму и «капиталистической» экономике сменилась республиканскими, демократическими и социалистическими взглядами, а политическая индифферентность открыла путь к революционному рвению. Я стал энтузиастом-проповедником антицаристской революции и лидером социалистов-революционеров в школе и прилежащих регионах. В противоположность социал-демократам эсеры претендовали на роль партии всех трудящихся классов — крестьян, рабочих и интеллигенции. В отличие от марксистского материализма и экономической интерпретации человека и истории философия и социология эсеров были в большей степени интегральными и идеалистическими. Они особо подчёркивали роль творческих идей, волеизъявления, «борьбы за индивидуальность» против «борьбы за существование», значимость неэкономических факторов, детерминирующих социальные процессы и человеческое поведение. Все моё предыдущее мироощущение соответствовало скорее этой идеологии, чем «пролетарской», «материалистической», «экономической» идеологии марксистов-социал-демократов. Этой близостью и объясняется мой выбор в пользу эсеровской, а не социал-демократической партии и, собственно, почему на протяжении всей последующей жизни я так и не был «заражён» марксистской идеологией».*

В 1914 г. Сорокин окончил юридический факультет Петербургского университета, и был оставлен на кафедре уголовного права для подготовки к профессорскому званию. С 1915 года – Сорокин редактор газеты «Народная мысль». С января 1917 года – приват-доцент Петроградского университета.

Ко времени Февральской революции 1917 г. Сорокин стал одним из лидеров эсеров, редактировал газету «Воля народа», был делегатом 1 Всероссийский съезда крестьянских депутатов, войдя в Исполнительный комитет Крестьянского Совета. От эсеров был избран депутатом Учредительного собрания. Спасение России и революции Сорокин связывал с деятельностью А. Ф. Керенского, для которого готовил обзоры по вопросам науки.

Накануне революции, в январе 1917 года, Сорокин так характеризует состояние России: *«Поражение русских армий, нищета, недовольство масс. Резкие нападки на правительство, пугающий рост цен... Одним словом, на пороге страны стоит революция».*

Февральскую революцию П. А. Сорокин встретил с воодушевлением, рассматривая её как закономерный итог развития российского общества, полагая, что программа правительства приведёт к стабилизации ситуации в стране. Но всплеск радужных настроений быстро погас, когда он заметил опасности, угрожающие русской революции: понимание народом революции как вседозволенности, разлагающая деятельность большевиков и бездеятельность Временного правительства. Поэтому приход к власти большевиков Сорокин назвал катастрофой, которую уже невозможно предотвратить.

После Февральской революции Сорокин принял активное участие в политической деятельности. Был одним из редакторов центральной газеты партии эсеров «Дело народа».

На октябрьские события П. А. Сорокин откликнулся рядом статей в газете «Воля народа», редактором которой он в то время являлся. В этих статьях новые правители России характеризовались учёным как убийцы, насильники, грабители. Впрочем, П. А. Сорокин не терял надежды, что власть большевиков скоро рухнет. Уже через несколько дней после Октября он отметил в дневнике, что *«трудящиеся находятся на первой стадии «отрезвления», большевистский рай начинает тускнеть».* Да и события его повседневной жизни, казалось бы, подтверждали этот вывод. Рабочие несколько раз спасали его от ареста. Все это вселяло надежду, что власть у большевиков можно будет скоро отобрать с помощью Учредительного собрания.

Сорокин предсказывал, что продолжение подобной политики неизбежно ведёт к гражданской войне: *«Обещанный хлеб не только не дан, но последним декретом должен силою отбираться вооружёнными рабочими от полуголодного крестьянина. Рабочие знают, что такой добычей хлеба окончательно разрознят крестьян от рабочих и подымут войну два трудовых класса один против другого».* Сорокин эмоционально отметил в дневнике: *«Семнадцатый год дал нам революцию, но что она принесла моей стране, кроме разрушения и позора?... Открывшееся лицо революции – это лицо зверя, порочной и грешной проститутки, а не чистое лицо богини, которое рисовалось историками других революций».*

Впрочем, несмотря на разочарование, которое в тот момент охватило мно-

гих политических деятелей, ждавших и приближавших семнадцатый год в России, Сорокин считал, что ситуация вовсе не безнадежна, ибо *«мы... дошли до такого состояния, хуже которого не может быть, и надо думать, что дальше будет лучше»*. Эту зыбкую основу своего оптимизма он пытался подкрепить надеждами на помощь союзников России по Антанте: *«Только союзники могут нас поднять из той пропасти, в которую мы попали»*, так как Россия нужна им как противовес Германии. Указывая на поражение немцев во Франции летом 1918 г., Сорокин говорил, что *«смотрит на будущее России сравнительно спокойно, сравнительно радостно. Его взору теперь видна Россия при прежних границах, Россия новая, независимая и свободная»*. *«Бояться же империализма союзников нечего, – продолжал он, – ибо хуже немецкого и быть не может»*. Вместе с тем Сорокин считал, что нельзя полагаться только на внешнюю помощь. **В самой России надо «забыть все партийные счёты... организовать единую партию свободной, независимой, демократической России... создать новое Учредительное собрание»**.

Примечательный факт: во время выступления Сорокину была подана записка, в которой его умоляли или переменить тему, или вообще прекратить лекцию, опасаясь, что столь откровенные высказывания могут обернуться для него бедой. Однако Сорокин ответил: *«Я привык говорить свободно и буду говорить»*. Этот факт говорит о честности и открытости Питирима Сорокина.

В 1918 г. Сорокин был арестован, но после 2-месячного заключения в Петропавловской крепости отпущен. Выполняя задание «Союза возрождения России», П. А. Сорокин вместе с Н. В. Чайковским выехал на север для подготовки антибольшевистского вооружённого восстания. Будучи арестован и находясь в подвале ЧК в Великом Устюге, Сорокин написал письмо Северо-Двинскому губисполкому, объявляя о сложении с себя депутатских полномочий, выходе из партии эсеров и намерении посвятить себя работе в области науки и народного просвещения. Письмо было напечатано в архангельской газете «Крестьянские и рабочие думы». Вскоре, 20 ноября 1918 г., это письмо было перепечатано в центральном органе большевистской партии в газете «Правда». В этой статье Сорокин доводил до сведения, что отказывается от звания члена Учредительного Собрания и выходит из партии эсеров. Отказ от политической борьбы был вызван тем, что в России имеет место *«чрезвычайная сложность современного внутреннего государственного положения»*. Здесь он завуалировано пытался высказать своё неприятие политики большевиков. Обращает на себя внимание тот факт, что он возвращается к просвещению народа, то есть, к научной деятельности. *«Истекий год революции, – пишет Питирим Сорокин, – научил меня одной истине: политики могут ошибаться, политика может быть общественно полезна, но может быть и общественно вредна, работа же в области науки и народного просвещения всегда полезна, всегда нужна народу...»* Фактически это заявление означало отказ Сорокина от дальнейшей политической деятельности, но не отказ от своих политических взглядов на жизнь.

Данное письмо привлекло внимание Ленина, он тут же откликнулся на него заметкой «Ценные признания Питирима Сорокина»: *«"Правда" поместила сегодня замечательно интересное письмо Питирима Сорокина, на которое надо обратить особое внимание всех коммунистов. В письме этом <...> Пи-*

тирим Сорокин заявляет о своём выходе из партии правых эсеров и о сложении им с себя звания члена Учредительного собрания. Мотивы автора письма сводятся к тому, что он затрудняется не только другим, но и самому себе указывать спасительные политические рецепты и потому "отказывается от всякой политики". <...>

Это письмо заслуживает прежде всего внимания, как чрезвычайно интересный "человеческий документ". Не очень часто встречается такая искренность и прямота, с которой П. Сорокин признается в ошибочности своей политики. Едва ли не в большинстве случаев политики, убеждавшиеся в неправомерности занятой ими линии, пытаются прикрыть свой поворот, затушевать его, "выдумать" какие-нибудь более или менее посторонние мотивы и т. п. Открытое и честное признание своей политической ошибки само уже по себе является крупным политическим актом. Питуриим Сорокин не прав, когда пишет, что работа в области науки "всегда полезна". Ибо ошибки бывают и в этой области, примеры упорной проповеди реакционных, скажем, философских взглядов людьми, заведомо не реакционными, есть и в русской литературе. С другой стороны, открытое заявление видного, т. е. занимавшего известный всему народу и ответственный политический пост, человека об его отказе от политики — есть тоже политика. Честное признание политической ошибки приносит очень большую политическую пользу многим людям, если дело идёт об ошибке, которую разделяли целые партии, имевшие в своё время влияние на массы.

Политическое значение письма Питуриима Сорокина именно в настоящий момент чрезвычайно велико. Оно даёт нам всем "урок", который надо хорошенько продумать и усвоить».

Ленин делает выводы: если Питуриим Сорокин сложил с себя звание члена Учредительного собрания, это не случайность, это признак поворота целого класса, всей мелкобуржуазной демократии.

Вероятно, именно эта статья и спасла учёного от расстрела, который был объявлен врагом народа номер один.

После отхода от политики Сорокин сосредоточился на научной и преподавательской деятельности: сотрудничал с Наркоматом просвещения, принимал участие в учебно-научных экспедициях. Он читал лекции в Петроградском университете, Психоневрологическом институте, Сельскохозяйственном институте, Институте народного хозяйства, на всевозможных «обучах», ликбезах.

В 1920 году Сорокин был избран руководителем кафедры социологии при факультете обществознания Петроградского университета. В этом же году он написал массовые, «популярные» учебники по праву и социологии и опубликовал двухтомную «Систему социологии», ставшую венцом его творчества русского периода. В том же году он стал профессором кафедры социологии Петроградского университета. У Сорокина созрел план перспективных публикаций интегрального характера, он сконцентрировал своё внимание на наиболее актуальных темах того времени — война, голод, революция. Однако образ мыслей первого советского профессора социологии все больше не удовлетворял власти. Была уничтожена подготовленная к печати его книга «Голод как фактор».

Одно из последних публичных выступлений П. А. Сорокина в России со-

стоялось 21 февраля 1922 года перед тысячами студентов. *«В результате войны и революции, – заявлял Сорокин, – наше отечество лежит в развалинах. Великая Русская Равнина стала великим кладбищем, где смерть пожинает обильную жатву, где люди едят друг друга».* Эта речь имела эффект взорвавшейся бомбы. Ректор университета и многие профессора были уволены. Другие – арестованы, расстреляны, покончили жизнь самоубийством... Социология была изъята из учебных программ и заменена курсом «Развитие общественных форм», преподавать его разрешалось только коммунистам. Основатель кафедры социологии, профессор Питирим Александрович Сорокин, был изгнан одним из первых. *«Осенью 1921 года, – вспоминал он, – мне... советское правительство запретило преподавать».*

Становилось достаточно очевидным, что даже в сугубо научной работе, не говоря уже о публицистике, для Питирима Сорокина не было никакой возможности проявить творческую индивидуальность и своеобразие личностного видения какой-либо научной и общественно-политической проблемы. Принимая во внимание принципиальность П. Сорокина, можно было очень точно предсказать: в условиях диктатуры пролетариата и жёсткого идеологического пресинга ему предписано молчание.

Последнюю статью, которую Сорокин попытался опубликовать в России: *«Верую, Господи! Помоги моему неверию!»*, – цензура не пропустила, так как она была *«пессимистична по отношению к будущему России»: «Понесённые потери слишком велики и непоправимы, современное состояние русского народа слишком безотрадное... Война произвела качественный отбор населения России «шиворот-навыворот». Погибли «лучшие», – к таким печальным выводам пришёл П. Сорокин.*

В условиях НЭПа В. И. Ленин поставил вопрос о необходимости продолжения жёсткого идеологического контроля над содержанием обучения по общественным дисциплинам. Руководство страной решило отстранить от преподавания и от руководства наукой *«буржуазную профессуру».* Летом 1922 года в Советской России прошли аресты научной и творческой интеллигенции.

Публичные выступления Питирима Сорокина, его разгромная рецензия на книгу Н. И. Бухарина *«Теория исторического материализма»*, его неприятие существующего режима привели к очередному аресту в 1922 г. и в конце концов высылке из страны. По постановлению Коллегии ГПУ от 26 сентября 1922 года Питирим Сорокин был выслан за границу из Петрограда на поезде, став одним из тех, кого стали ассоциировать с *«Философским пароходом».*

Первоначально Сорокин выехал в Берлин, затем проживал в Праге, Чехословакия, редактировал журнал *«Крестьянская Россия».*

Питирим Александрович Сорокин скончался 11 февраля 1968 г. в возрасте 79 лет в своём доме на Клифф-стрит в Винчестере, вдали от родины.

В 1924 году за границей вышла книга Питирима Сорокина под названием *«Листки из русского дневника».* В её основу легли дневниковые записи Сорокина, которые он вёл с начала Февральской революции и до того момента, как был выслан из страны в 1922 году.

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА ПИТИРИМА СОРОКИНА

Январь-февраль 1917. Прелюдия

Ведение дневника – детская привычка, но сейчас она может быть достойной даже серьёзного человека.

Мы входим в шторм Революции.

Авторитет Царя, Царицы и всего Правительства разрушен. Поражение русского оружия, бедность и широкое недовольство народа неизбежно снова вызывают революционный протест. Речи Шульгина, Милюкова и Керенского в Думе и особенно милюковское обличение «глупости и предательства» Правительства разбудили опасное эхо по всей стране. На вчерашнем собрании депутатов, политиков, учёных и писателей в доме Шубина-Посидифа даже наиболее консервативные люди говорили о наступающей Революции как о несомненном факте. Князья и бароны, помещики и предприниматели – все аплодировали саркастической критике Правительства и провозглашали приближение Революции. Эти люди, утомлённые, изнеженные, привыкшие к комфортной жизни, требуя революции, представляли занятный спектакль. Подобно опрометчивым детям, они проявляли любопытство и радость, встречая такое «интересное» развитие. Я представил французские правящие классы перед революцией XVIII века. Их изнеженная аристократия также со смехом приветствовала шторм, не задумываясь о том, что он может лишить их собственности и даже жизни. В моих аудиториях было то же самое. Те части моих лекций, в которых я перечислял дефекты аристократических обществ, встречались студентами горячими аплодисментами. На стенах туалетов можно было прочесть такие сентенции, как «Долой царя!», «Смерть Царице Распутной!», «Да здравствует Революция!». Эти надписи уничтожались полицией, но тут же появлялись вновь. Газеты стали весьма смелы в нападках на правительство. Не думаете ли вы, что гильотина также потребуется нам в ближайшем будущем? – спросил один из моих студентов в Рабочем университете Выборгского района Петрограда. Не знаю, – ответил я. – Но я уверен, что если вы предполагаете гильотину для своих врагов, то она отрубит и вашу голову немного позже. Гильотина всегда убивает в первую очередь сытого, но позднее на неё попадает также и бедняк. Не забывайте этого – оно может быть полезно для вас, если революция действительно произойдёт. Цены растут ужасно. Очереди за хлебом перед магазинами все длиннее и длиннее. Горькие жалобы бедных людей, ждущих часами в этих очередях, так называемых «хвостах», становятся все более и более бунтарскими. Сегодня я встретил трёх солдат, моих приятелей, только что вернувшихся с фронта. Один из них говорил с такой ненавистью к Правительству, выражение другими негодования и недовольства в армии носили столь крайний характер, что я был шокирован. Армия в этом случае может ускорить Революцию. Я бы предпочёл, чтобы этого не было... Но возможно, я ошибаюсь. Уличные демонстрации бедных женщин и детей, требующих «хлеба и селёдки» (вечный голос всех революций), ранее привели к разгрому одного или двух магазинов, а сегодня демонстрация стала шире и шумнее. Большевики сегодня останавливали трамваи, переверчивая некоторые из них, грабя магазины и нападая на полицейских. К женщинам присоединились рабочие, в результате возникла всеобщая стачка

и волнение. Кроме ломки трамваев, может быть опрокинуто что-нибудь более важное – царский трон, например. Все идёт к этому. Когда историки будут искать группу, которая начала Русскую Революцию, им не нужно будет особо теоретизировать по этому поводу. **Русская революция была начата голодными жёнами и детьми**, требовавшими хлеба и селёдки. Лишь позднее они действительно вместе с рабочими и политиками постарались сломать это мощное здание Русского Самодержавия. <...> Толпы на Невском проспекте все больше. Полиция ленива и нерешительна. Слышно, что даже казаки отказались разгонять толпу. Это означает, что правительство беспомощно и его машина сломана. Бунтовщики начали убивать полицейских. Павловский полк восстал... Конец очень близок... или это только начало?

Глава I. Первый день ...

С утра чувствовал себя не очень хорошо, а занятия в университете были фактически прекращены, и я решил остаться дома и читать новую работу В. Парето. Время от времени меня прерывал телефон, друзья спрашивали меня о новостях и в свою очередь сообщали мне свои... В полдень телефонная связь была прервана, мне никто не мешал и я возобновил свои занятия до трёх часов, когда один из моих студентов ворвался с известиями, что два полка, вооружённые и с красными флагами, покинули свои казармы и идут к Думе, чтобы соединиться с рабочими. – Это правда? – воскликнул я с недоверием. – Я видел их сам. Спешно покинув дом, мы быстро направились к Троицкому мосту... <...> Продвигаясь осторожно вдоль Литейного, мы вышли к свежим пятнам крови и увидели на мостовой два трупа. С ужасом мы наблюдали, как человек, пытавшийся пересечь улицу, упал, смертельно раненный шальной пулей. Умело маневрируя, мы наконец достигли Таврического дворца, обнаружив вокруг здания большие толпы людей, солдат и рабочих. Никаких попыток войти в Русский парламент не делалось, но везде были видны пушки и пулемёты. Революционеры приготовились защищать свою Думу, – сказал с одобрением мой приятель Кузьмин. Наоборот, – ответил я. – Сумасшедшая толпа вынуждает Думу втягиваться в революцию, которую Дума не хочет. Скоро вы узнаете реальную цель этой демонстрации. Холл Думы представлял разительный контраст царящему вне её волнению. Здесь был комфорт, солидность, порядок. Лишь там и здесь в углах можно было видеть небольшие группы депутатов, обсуждавших ситуацию. В дверях я встретил социал-демократа Скобелева. Ура! Она пришла наконец, – приветствовал он нас с вытянутой рукой. У солдат есть продовольствие? – спросил я. Весьма немного. Ты можешь чем-нибудь помочь? Я постараюсь что-нибудь сделать, – заверил я его. По словам депутата Ржевского, Дума сейчас распущена, но назначен исполнительный комитет как временное Правительство. Означает ли это, что вы присоединились к Революции, – спросил я. Нет... Однако, я, возможно, да, – ответил он нервно. То же замешательство и неопределённость я наблюдал в разговорах других депутатов. Капитаны, которые вели Корабль Государства в зубы урагана, не были уверены в своём курсе. «Плохой симптом», – подумал я про себя, – хотя, может быть, я в отношении их несправедлив». <...> Я вышел во двор Думы и объяснил группе солдат, что постараюсь достать для них продовольствие. Они нашли автомобиль с развевавшимся красным флагом, и мы поехали

через толпу. – Этого достаточно, чтобы повесить нас всех в случае подавления Революции, – сказал я шутливо моим охранникам. – Не беспокойся. Все будет хорошо, – ответили они. Около Думы жил адвокат Грюзенберг. Его телефон работал, и я связался с друзьями, которые пообещали, что продовольствие для войск скоро будет подвезено. Холл и коридоры Думы были заполнены народом. Здесь были солдаты с винтовками и пулемётами. Но все ещё господствовал порядок. Улица ещё не ворвалась сюда. А, товарищ Сорокин, наконец-то Революция! Наконец-то славный день наступил! – крикнул один из рабочих, мой студент; другие бывшие с ним радостно приблизились ко мне. На их лицах был свет надежды и экзальтации. Что вы здесь делаете, ребята? – спросил я. Нам сказали прийти сюда помочь организовать Совет рабочих депутатов, как в Революцию 1905 года, – ответили они хором. А для чего необходим Совет? Защищать Революцию и проблемы рабочих, контролировать Правительство и провозглашать нашу диктатуру, – ответили они. Вы присоединитесь к нам, не так ли? Я не избран, спасибо, – сухо ответил я. Мы также не избраны, но это не имеет значения. В такое время нет необходимости в формальностях. Я не согласен с вами, – сказал я и добавил, – Возможно, что для защиты Революции рабочий комитет будет необходимо сформировать, но с диктатурой будьте осторожны. Войдя в комнату Комитета, я обнаружил несколько социал-демократических депутатов и около дюжины рабочих – ядро будущего Совета. От них я получил настоящее приглашение стать членом, но я тогда не чувствовал необходимости вступать в Совет и ушёл от них на собрание писателей, которые организовывали официальный пресс-комитет Революции... «Кто избрал этих людей как представителей прессы?» – вновь спросил я себя. Вот они, самоназначенные цензоры, самонадеянная власть подавлять то, что с их точки зрения кажется нежелательными газетами, готовящаяся удушить свободу слова и печати. Неожиданно мне вспомнились слова Флобера: «В каждом революционере таится жандарм». Но я сказал себе, что несправедливо обобщать, исходя из действия нескольких горячих голов... В два часа я добрался до дома и сел писать эти поспешные заметки. Рад я или сожалею? Трудно сказать, но определённо в моем сознании есть постоянные опасения. Сегодня ночью лишь часть города в руках революционеров, а что случится завтра? Как долго будет продолжаться этот беспорядок? Как много жизней погибнет? Ослабят или разрушат армию эти события? Возможно ли, что их результатом будет нашествие немцев в Россию? Но возможно, что мои предчувствия глупы. Так много весёлых и патриотических людей не могут быть не правы. Кто сказал: «Индивиды могут ошибаться, но целая нация – никогда»? Очень хорошо, да здравствует Революция! Самодержавие должно было быть когда-нибудь ликвидировано. Поэтому долой сомнения и опасения. Я посмотрел на мои книги и рукописи. Я полагаю, их придётся отложить на время в сторону. Для занятий нет времени. Дело есть дело, До свидания, любимые друзья. Стрельба началась снова...

Глава 2. На следующий день...

Утром с двумя приятелями я отправился пешком в Думу. Улицы были полны возбуждённого народа, все магазины были закрыты, деловая активность приостановлена, с нескольких сторон слышались звуки стрельбы. Автомобили,

полные солдат и молодёжи с винтовками, носились по городу: они искали полицию и контрреволюционеров, якобы скрывавшихся в частных домах и готовых к подавлению восстания. Время от времени народ и солдаты окружали дома и стреляли в окна... Я не видел спрятавшихся полицейских, захваченных ими, но видел многих жителей этих несчастных домов, некоторых из них – раненых... На углу Бармалеевой и Большого мы подошли к группе людей, избивающих полицейского рукоятками револьверов и ногами. Почти мёртвая несчастная жертва лежала окровавленная на мостовой, удары градом сыпались на голову и тело. Прекратите это, вы, звери – закричал мой приятель. Арестуйте его, если надо, но не убивайте!

Кто вы такие, чтобы мешать нам убить фараона? – закричали они. – Вы тоже контрреволюционеры? С помощью прохожих мы заставили хулиганов отпустить свою жертву... Повсюду был запах горящих домов и зрелище солдат и рабочих, разыскивающих полицейских и контрреволюционеров. Перед домом на Неве недалеко от Зимнего собралась более чем обычно бурлящая толпа. Что здесь происходит? Ищут дом реакционного генерала! – крикнули нам. В этот момент распахнулось окно на 4 этаже, и на мостовую полетел человек, выброшенный оттуда солдатами.

Его пронзительный крик почти утонул в возбуждённом рёве толпы. Когда тело ударилось о камни, люди бросились на него и принялись избивать чем попало... Чем ближе мы подходили к Думе, тем плотнее становилась толпа, тем многочисленнее были красные флаги и транспаранты, приветствовавшие революцию. Неожиданно мою руку отчаянно схватили. Сорокин! Я знаю, вы великодушны. Спасите меня, ради бога! В этом человеке я узнал агента секретной службы, который 2 года назад разоблачил и арестовал меня. Быстро идите домой, – сказал я, – уничтожьте свой мундир и затем, если можете, смените квартиру. Если что-нибудь случится, дайте мне знать. Это все, что я мог сделать для него... Совет вырос до 4 или 5 сотен членов. Комитет Думы и Совет организовали Временное правительство. Керенский действует как посредник и связной между двумя органами: он является вице-президентом Совета и министром юстиции. Я встретил его: он был измождён. Пожалуйста, напишите и пошлите телеграмму управляющим тюрьмами по всей России с распоряжением освободить всех политзаключённых. Если вы считаете нужным – согласился я. Написанную телеграмму он подписал так: «Министр юстиции гражданин Керенский». Это «гражданин» было новым, немного театральным, но, возможно подходящим словом.. Среди других я слышал в Думе речь Милюкова, предлагавшего конституционную монархию с Вел. князем Михаилом в качестве царя. Толпа выслушала это предложение холодно. Монархия пала, сознание людей стало в основе республиканским. Даже простая буржуазная республика является для многих недостаточно радикальной. Требуют социализма. Я боюсь этих экстремистов. Я боюсь разума толпы. ... Ужасные новости! Расправы над офицерами увеличиваются. В Кронштадте убиты адмирал и многие офицеры флота. Говорят, что эти убийства совершаются согласно списку, подготовленному немцами. Не знаю, правда ли это, но факт убийства многих наших русских офицеров не подлежит сомнению. Что будет, если этот ужас продлится? Это может привести к полной деморализации

наших сил и вторжению в страну немцев. То, что я наблюдаю сейчас в солдатах Петрограда: их манеры, выражения лиц, – не нравится мне. Что-то отчётливо угрожающее отражается в их поведении... Старый режим несомненно исчез. Как в Петрограде, так и в Москве, население радостное как на пасху. Все приветствуют новый режим и республику. «Свобода! Священная свобода!», – кричат и поют везде. «Удивительная революция! Революция без крови, чистая как одевание безгрешных ангелов». Я слышал это от толп студентов, шагавших по улицам. Это совершенно верно, конечно. Кровавое пролитие не было ужасным. Если не будет новых жертв из-за фанатиков, наша Революция может войти в историю как Бескровная революция.

Да здравствует бескровная революция!

Глава 3. «Поскольку свобода – все разрешено»

Март-апрель 1917 г. Старый режим пал по всей России, и мало кто жалеет о нем. Ликует вся страна... Большинство народа надеется, что теперь война будет вестись более успешно. Солдаты, служащие, студенты, крестьяне проявляют огромную активность. Крестьяне привозят зерно в город и армию, иногда даже бесплатно. Военные полки и рабочие отряды вывешивают транспаранты...

«Да здравствует революция», «Крестьян – к плугу, рабочих – к станкам, солдат – в траншеи». «Мы – свободный народ России, будем защищать страну и революцию». Посмотри, какой потрясающий народ! – восклицает мой друг, указывая на одну из этих демонстраций. Возможно, ты прав – ответил я... Но стараясь убедить себя, что все происходящее прекрасно, я не могу закрывать глаза на некоторые реальности. Хотя рабочие поднимают лозунг «Рабочие к станкам и прессам», они прекратили работать и проводят все своё время на политических митингах. Они требуют восьми- и даже шестичасовой рабочий день. Как можем мы позволить такое сокращение рабочего времени, когда война и революция требуют увеличения усилий на производстве. Солдаты, видимо, готовы сражаться, но вчера, когда один из полков получил приказ отправиться на фронт, люди отказались идти под предлогом, что они нужны в Петрограде защищать революцию. В эти дни мы получили информацию, что крестьяне захватывают частные имения, грабят и сжигают их. На улицах я наблюдал множество пьяных, орущих непристойности вместе с криком «Да здравствует Свобода!», «Поскольку мы свободны, все разрешено». Проходя около здания женских Бестужевских курсов, я видел толпу людей, смеявшихся и бешено жестикулировавших. В тени ворот у всех на виду мужчина и женщина вели себя самым непристойным образом. Ха-ха! – смеялась толпа. – Раз свобода – все можно. Сегодня на Басеянной улице группа негодяев начала грабить винный магазин Черепатникова. Мы, теперь свободны, и поэтому не мешайте нам! – протестовали грабители против граждан, стремившихся приструнить их. Подобные инциденты многочисленны и весьма опасны. Но – терпение! Возможно, мои предчувствия преждевременны... Сегодня было очередное собрание лидеров эсеров с целью создания газеты и назначения редакторов. Дискуссия была горячая и явно обнаружила существование в партии двух различных элементов: социал-патриотов и интернационалистов. Первые – более умеренные. Они готовы поддерживать Временное пра-

вительство и против того, чтобы страна ринулась к социализму. Хотя они согласны с политикой «Нет – аннексиям и контрибуциям!», они в то же время являются сторонниками оборонительной войны с целью защиты России и революции. Крайние элементы с другой стороны хотят подменить оборонительную войну классово-борьбой. Они требуют немедленного окончания войны в форме сепаратного мира с Германией. Они призывают к немедленной социализации земли и фабрик, к диктатуре рабочих и крестьян и замене нынешнего буржуазного правительства социалистическим государством. После длинных и утомительных дебатов было избрано 5 редакторов газеты, названной «Дело народа»: Русанов, Иванов-Разумник, Мстиславский, Гуковский и я. Я не вижу, как мы сможем согласовать политику газеты. Гуковский и я – умеренные социал-патриоты. Остальные – интернационалисты. Выступая на рабочих митингах, я все чаще и чаще слышу требования прекратить войну, разоблачения «капиталистов» и даже угрозы в их адрес. В головах рабочих крепко засела мысль, что все их несчастья сознательно вызваны буржуазией, что Правительство должно быть чисто социалистическим, что общая бойня всех «эксплуататоров» должна иметь место. Эти идеи быстро распространяются в народе. Все попытки инженеров и управляющих поддержать дисциплину на заводах и фабриках, сохранить масштабы производства или уволить лодырей рассматриваются как контрреволюционные. Среди солдат ситуация не лучше. **Повиновение и дисциплина исчезли почти полностью...** Волнения начинаются даже среди мужиков, и возможно, скоро они присоединятся к Советам. Боже мой! Эти авантюристы, самоизбранные депутаты солдат и рабочих, эти бедные интеллектуалы, играющие роль в драме революции, подражают французским революционерам. Разговоры, разговоры, разговоры бесконечны; вся их энергия уходит на подрыв Временного правительства и подготовку «диктатуры пролетариата», который боится своих собственных Советов. Совет вмешивается во все. Любые конструктивные идеи, любые действия ведут только к дезорганизации управления, к развёртыванию диких звериных инстинктов толпы. Правительство? Может быть, лучше ничего не говорить об этих людях. Благородные идеалисты, они не знают азбуки управления. Кажется, они и сами не знают, чего хотят, и даже если бы они знали, они не смогли бы ничего завершить. Возможно, это странно, но я иногда тоскую по мощной силе, которая появилась бы и надела бы тугую узду на все эти неистовые и неопределённые группы. Я думаю, это было бы лучше, чем общее волнение и разделение, угрожающие не знаю какими несчастьями для моей страны.

Глава 4. «Свет и тени»

... Параллельно с подготовкой нашей новой газеты мы организуем членов правого крыла – группу, называемую «Воля народа». **Фанатизм трудящихся классов и интеллектуальных пролетариев города возрастает с каждым днём. Эти меньшинства полны решимости править Россией, не советуясь с крестьянами, которые, как известно, составляют большинство. Без участия крестьян невозможно решать будущую судьбу России.** Я убеждён в необходимости созыва всероссийской крестьянской конференции или Советов, в противовес Советам ленивых рабочих и солдат города... Прибыли Ленин и

его компаньоны. Их первые речи на Большевистской конференции смутили даже членов крайне левого крыла. Ленин и его группа сейчас являются очень богатыми людьми, и, как следствие, число большевистских газет, памфлетов, прокламаций и т.д. сильно увеличилось. У Троцкого очень дорогая квартира. Откуда эти деньги? Вот в чем вопрос. Социализация началась. Большевики насильно завладели особняком танцовщицы Киесинской, анархисты захватили особняк Дурново и другие дома. Владельцы их изгнаны. Они обращались и в суд, и в правительство, но для восстановления их прав не было сделано ничего...

Глава 5. Агония

Май-июнь 1917 г. Крестьянская конференция открылась с присутствием около 1 тыс. представителей крестьян и лояльных солдат с фронта. Насколько можно судить, состояние умов крестьян несомненно более здоровое и сбалансированное, чем у рабочих или городских солдат. Патриотизм, реальное стремление подавить беспорядки и даже желание воздержаться от взятия земли до тех пор, пока по этому вопросу будет достигнуто определённое решение; совершенная готовность поддержать правительство и противостоять большевикам. Все эти чувства были искренне выражены на конференции. Интересным эпизодом стало появление на ней Ленина. Поднявшись на сцену, он театрально сбросил пальто и начал говорить. Лицо этого человека напоминает мне лица врожждённых преступников в альбомах Ламброзо, и в то же время он имеет нечто напоминающее религиозных фанатиков-староверов. Он – скучный оратор, и его усилия вызвать энтузиазм в пользу большевизма абсолютно провалились. Речь его была принята холодно, личность его возбудила враждебность, и в конце он ретировался в очевидном смущении. Большевистская «Правда» и другие интернационалистские газеты возобновили свои нападки на крестьянскую конференцию, называя её «цитаделью социал-патриотов и мелкой буржуазии». Хорошо, пусть нападают. Крестьянская конференция организовала специальный крестьянский Совет, избирающий депутатов, исполнительный комитет и представителей своей организации в различных институтах. Я был избран членом исполкома и делегатом в «Комиссию по выработке закона по выборам членов Учредительного собрания». На моем пути особняк Киесинской, который был захвачен большевиками и использовался ими как штаб-квартира. День за днём они организовывали речи с балкона дворца для толп рабочих и солдат...

Я остановился перед дворцом Киесинской послушать Ленина. Хоть он и слабый оратор и отталкивающая личность, мне кажется, он далеко пойдёт. Почему? Он полон решимости дать волю всему насильственному, преступному, непристойному, что в сегодняшних деморализующих обстоятельствах пока ещё сдерживается в толпе. Товарищи рабочие! – так вёл речь Ленин. – Забирайте фабрики у своих эксплуататоров. Товарищи крестьяне! Берите землю у своих врагов-помещиков! Товарищи солдаты! Прекращайте войну, идите домой. Заключайте мир с немцами и объявляйте войну богатым. Бедняки! Вы голодаете, когда вокруг вас плутократы и банкиры. Почему вы не захватите всего этого богатства? Крадите все, что было украдено! Безжалостно разрушайте капиталистическое общество! Долой его! Долой правительство! До-

лой войну! Да здравствует социальная революция! Да здравствует классовая война! Да здравствует диктатура пролетариата! Громкая речь всегда вызывает живой отклик. Именно сейчас это Евангелие для преступников, лентяев, грабителей, паразитов и всех неуравновешенных голов. Действительно, Ленин хорошо знает, что кратчайший путь к его цели лежит в пробуждении самых низменных чувств, самых низких звериных инстинктов недумавшей массы. За Лениным следует Зиновьев. Какое это отвратительное создание! В его женском голосе, его лице, его фигуре – что-то отталкивающее и непристойное. Экстраординарный моральный и интеллектуальный дегенерат! Ленин нашёл в нем примерного ученика. Послушав Ленина в течение почти часа, я перешёл через Троицкий мост к моей редакции. День был прекрасный: ярко светило солнце и Нева отражала безоблачное небо. Но душа моя была полна темных предчувствий. Эти люди, я уверен, предвещают ужасные вещи.

Если бы я был Правительством, я бы арестовал их без колебаний. Если необходимо – я бы казнил их, чтобы предотвратить ужасную катастрофу, в которую они планируют окунуть страну. Армия быстро деморализуется. Дисциплина и повиновение почти исчезли... Бедный Керенский делает все, что может. Он произносит одну яркую речь за другой, но дикие звери не могут контролироваться речами, даже красноречивыми. Городам угрожает голод, так как работа практически прекращена. Большевики с их неограниченными деньгами проявляют яростную энергичность. Я должен сказать, что их «Правда» как пропагандистская газета очень хорошо редактируется, особо блестящи саркастические статьи. Троцкого, в которых он бичует и высмеивает своих оппонентов, меня в том числе. Великолепная сатира!.. Как Керенский, Дан, Гоц, Либер, так и другие лидеры в Совете начинают понимать, что мы несёмся к пропасти. Будучи ранее сами подстрекателями анархии, они теперь поворачивают к умеренности. Фатальная слабость всех этих людей – в том, что они боятся воображаемой контрреволюции ещё больше, чем большевизма. Они боятся потерять свою репутацию революционеров, являющихся сегодня аристократией. Поэтому они остаются и безнадёжными, и беспомощными...

26 мая 1917 года – день моего бракосочетания. Это была настоящая революционная свадьба. После церковной церемонии, на которую я пришёл с важного собрания, у нас было только полчаса на обед; затем я должен был спешить на другую проклятую конференцию. Только в войну и революцию могут случаться такие вещи. Вечером я послал революцию к черту и вернулся домой к моей возлюбленной. Приближается ураган. Но несмотря ни на что, я благославляю этот день как счастливейший во всей моей жизни... ..Случилось нечто существенное. На сегодняшнем митинге, на котором выступали «бабушка» Брежневская, Савинков, Плеханов, Чайковский и я, слушатели – солдаты и рабочие – неожиданно разразились свистом и угрозами в адрес этих старейших друзей революции. Против мучеников Брежневской и Чайковского употреблялись такие определения как «предатели!», «контрреволюционеры!». Савинков кричал: «Кто вы такие, чтобы обращаться с нами таким образом? Что вы, бездельники, сделали для революции? Совсем ничего! Чем вы когда-

нибудь рисковали? Ничем! А эти мужчины и женщины – указал он на нас – сидели в тюрьмах, голодали и мёрзли в Сибири, снова и снова рисковали своими жизнями. Это я, а не кто-либо из вас бросил бомбу в тирана-министра. Это я, а не вы слушал смертный приговор царского правительства. Как смеете вы обвинять нас в том, что мы – контрреволюционеры?! Кто вы, если не толпа глупцов и бездельников, сговаривающихся развалить Россию, погубить революцию и самих себя?» Этот взрыв вызвал трепет и произвёл на толпу большое впечатление. Но ясно, что все великие революционеры столкнулись лицом к лицу с трагедией. Работа и жертвы забыты. В сравнении с мартовскими революционерами они сейчас рассматриваются как реакционные и «вчерашние». Вы когда-нибудь думали о себе как о реакционном контрреволюционере? – спросил я ветерана Плеханова. Если эти маньяки – революционеры, тогда я горд называться реакционером – ответил основатель социал-демократической партии. Будьте осторожны, г-н Плеханов, – сказал я. – Как бы вас не арестовали, как только эти люди – ваши собственные ученики – станут диктаторами. С тех пор, как они стали большими реакционерами, чем даже само царское правительство, что я могу ожидать, кроме ареста? – сказал он с горечью. Я люблю Плеханова. Мне кажется, что он схватывает истинное положение лучше, чем это делают его ученики в Совете, который даже не примет его как члена. Старые революционеры и основатели русского социализма сейчас считаются умеренными и на языке большевиков – контрреволюционерами». Я вижу, что мой «консерватизм» идентичен тому, что во всех революциях и социальных переворотах обычно толпой называлось «контрреволюцией». Все мы начинаем видеть, что революция и радикализм на практике совершенно отличны от тех же идей в теории... **Явно начинается дезинтеграция. Россия, Финляндия, Украина и Кавказ провозгласили свою независимость. Кронштадт, Шлиссельбург и много небольших районов в разных частях России проголосовали за свою независимость. Даже анархисты, забаррикадировавшиеся в особняке Дурново, и большевики во дворце Кшесинской имеют наглость называть себя независимыми государствами. Моя бедная страна разваливается на куски.**

Вчера ко мне пришли несколько представителей зырян (народа на Севере России) с предложением, чтобы наша газета объявила о независимости Зырянской республики. Мне было предложено президентство в этом новом государстве. Сумасшествие овладевает умами...

Жизнь в Петрограде становится все более и более трудной. Беспорядки, убийства, голод – повседневное явление. Мы ждём следующего взрыва, зная, что он будет обязательно. Вчера я спорил на митинге с Троцким и мадам Коллонтай. Что касается этой женщины, то очевидно, что её революционный энтузиазм – ничто иное как удовлетворение её сексуального сатириаса. Несмотря на её многочисленных «мужей», Коллонтай – вначале жена генерала, затем любовница дюжины мужчин – все ещё не пресыщена. Она ищет новые формы сексуального садизма. Я хотел бы, чтоб она могла быть наблюдаема Фрейдом и другими психиатрами. Это был бы для них редкий объект. Что

касается Троцкого, при благоприятных обстоятельствах, он непременно поднимется наверх. Этот театральный бандит – настоящий авантюрист. Его друзья в социал-демократической партии (меньшевиков) обычно говорят о нем: «Троцкий приносит на каждый митинг свой собственный стул. Сегодня он сидит с одной партией, завтра – с другой». В настоящий момент он поставил свой стул в Коммунистической партии. Что ж, для авантюриста, стремящегося к карьере, это не противопоказано. Большевики, вероятно, дадут ему все, о чем он тоскует.

Глава 6. Взрыв

Июль-сентябрь 1917 г. 3-5 июля. Взрыв наступил. Мы видели мятежный полк, пересекавший Литейный мост, слышали близкий треск винтовочных выстрелов. Революция снова была голодна и требовала человеческих жертв... Улицы, окружающие Таврический дворец и его большой двор, полны солдат и матросов. На автомобиле стоял Троцкий, разглагольствовавший перед людьми из Кронштадта.

Вы, товарищи, гордость и слава русской революции! Вы её лучшие сторонники и защитники. Перед вами новая задача – вымести Революцию, освободив её от врагов; свергнуть капиталистическое Правительство; толкнуть Революцию к её крайним пределам, создать царство Коммунизма, диктатуру пролетариата и начать мировую революцию. Великая драма началась. Победа и вечная слава зовут нас. Пусть наши враги трепещут, нет для них жалости и пощады. Соберём всю свою ненависть, уничтожим их раз и навсегда! Дикий животный рёв был ответом на его речь. С большими трудностями мы пробились к Таврическому дворцу и в зале Думы встретили много представителей Совета рабочих депутатов и социал-демократической партии. Атмосфера была крайне возбуждённая... В то время, как Чернов, Чхеидзе, Дан, Церетели и Готц стояли бледные и испуганные, рёв извне становился все сильнее и под него Троцкий, Луначарский и другие большевики ворвались в зал с победными улыбками на губах. «Кто победил в этот раз?» – казалось, вопрошают их возбуждённые лица. Так под оружейную пальбу и крики с улицы совместное заседание Советов солдатских рабочих и крестьянских депутатов было открыто Чхеидзе. ... Группы большевиков, интернационалистов и левых эсеров, возглавляемые Троцким, Луначарским, Гиммером и Камковым, выдвинулись вперёд... Посмотрите на море рабочих и солдат, окружающих это здание. Их именем мы требуем, чтобы Советы объявили Временное правительство.

Глава 7. Новые кризисы

... Керенский почти не ведёт конструктивной работы, будучи занят составлением резолюций, которые не улучшают положения дел. Колеса государства крутятся в вакууме. Иногда я чувствую симпатию, иногда ярость по отношению к Керенскому. Как человек он честен, искренен и готов отдать свою жизнь во благо страны. Но он не компетентен, слаб волен... Он ничего не знает об искусстве управления и воображает, что делает великое дело, когда составляет бумажные планы отмены смертной казни в условиях войны и революции. Сила, насилие отвратительны ему и он верит, что вполне можно

управлять с помощью добрых слов и возвышенных чувств. Прежде всего он, кажется, упивается сознанием своей чистоты, гуманности и высокого идеализма. Хороший человек, но слабый лидер. Типичный русский интеллигент.

Я пришёл к выводу, что я буду наиболее полезен, отдавая большую часть времени газете и Совету, резервируя работе в Зимнем дворце 1-2 часа в день...

Я отправился в Вологду организовывать кампанию по выборам в Учредительное Собрание. Крестьянские собрания в трёх районах Вологодской губернии единодушно назвали меня как кандидата; партия эсеров в Вологде сделала то же самое...

В этом городе состояние умов значительно лучше. Хотя большевизм имел здесь определённое влияние, но большинство населения, особенно крестьянство, нацелено антибольшевистски. Я выступил с рядом речей, посетил местные крестьянские конференции и, сделав все необходимые указания, отправился домой...

Наконец, это случилось – катастрофа, титанический катаклизм. 26 августа Корнилов двинул армию на Петроград с намерением свергнуть Совет, Правительство и провозгласить себя диктатором. Такова была, по крайней мере, версия Керенского. С моей точки зрения, Корнилов менее виновен.

Здесь, должно быть, недоразумение! – сказал я Керенскому. – Разве не вы приказали послать войска в Петроград, чтобы предотвратить угрожающее восстание большевиков? Конечно, Корнилов просто подчиняется воинскому приказу.

– Нет. Корнилов послал мне ультиматум через Львова.

– Не может быть, – настаивал я. – Львов введён в заблуждение, он не понял.

– Здесь нет недопонимания, – сказал Керенский. – Я стараюсь добиться мирного решения, но в то же время объявил генерала Корнилова преступником и отдал приказы по мобилизации всех сил против него, призвал всю демократию пресечь эту преступную попытку задушить свободу и Революцию.

– Я умоляю Вас не действовать слишком поспешно, – сказал я.

Но единственным ответом Керенского был безапелляционный приказ сообщить Советам его решение и запросить их помощь в подавлении корниловской попытки «государственного переворота»...

... Корниловский марш на Петроград начался. Большевики, конечно, были вне себя от радости. Какую большую удачу они могли просить!

Советы проявляют лихорадочную активность. Был избран комитет по борьбе с контрреволюцией из 22 членов. Я был избран в его состав.

Характерно, что в Советы избрали несколько большевиков, и мы оказались в странной позиции, работая с красными по подавлению красных.

Первое, что потребовали члены комитета – освобождение из тюрьмы большевистских соратников, и, несмотря на мои энергичные протесты, им уступили...

Комитет получил информацию, что наша пропаганда была столь успешна, что корниловские войска уже заколебались. Двумя-тремя часами позже поступили сообщения, что корниловская армия на грани мятежа...

Все дело Корнилова было для меня трагедией. Мотивы его и Крымова, его главного помощника, были абсолютно чистыми и трагическими.

Они ни в каком смысле не были «контрреволюционерами». Теперь триумф большевизма был просто вопросом времени. Правительство, потеряв доверие всех несоциалистических групп, висело на волоске.

Я начал более интенсивно изучать Великую французскую революцию.

Как повторяется история! Кто мы, как не русские жирондисты? Какова будет наша судьба? Такая же, как у них? Что случится с Отечеством?

Вероятно, тот же ужас, кровопролитие и разруха без всякой военной славы, последовавшей за политическим и социальным переворотом во Франции...

Глава 8. Пропать

*Наконец, разверзлась бездна. **Большевизм победил...** Все произошло очень просто. Временное Правительство и первый всероссийский Совет были свергнуты столь же легко, как царский режим...*

В редакции моей газеты я написал свою первую статью о победителях, определяя их как убийц, насильников и грабителей. Я подписал эту статью своим полным именем, несмотря на протесты моих коллег и даже наборщиков.

– Пусть останется, – сказал я. – Мы все так или иначе смотрим смерти в лицо.

Моя статья имела такой успех, что мы вынуждены были в три раза увеличить тираж номера...

Сегодня я выступал на митинге служащих. Едва я закончил, председатель крикнул: «За вами пришли, бегите через эту дверь». Я выскочил на улицу и был быстро увезён на автомобиле, который держали для экстренного случая эти простые герои.

Игра в «кошки-мышки». Ладно, пусть я буду мышью. Мы будем схвачены, но прежде чем это случится, мы сделаем то, что диктуют нам разум и долг...

Подготовка и выпуск газеты затруднены. Вторжения в редакцию и типографию стали обычными. Большевистские солдаты уничтожают экземпляры и даже печатные машины. Формально мы подчиняемся приказу прекратить выпуск наших газет, но они немедленно появляются снова под слегка изменёнными названиями: «Воля народа», запрещённая вчера, выходит сегодня как «Воля», затем как «Народ», «Чаяния народа». Газета «День» появляется как «Утро», «Полдень», «После полудня», «Вечер», «Ночь», «Чёрная полночь», «Один час», «Два часа». Важно то, что наши газеты в конечном счёте выходят. Читатели, которые не смогли достать газету утром, читают её ночью.

...Сегодня я вновь едва избежал ареста. Как только я вошёл во двор, банда преследователей двинулась за мной: одни вошли в редакцию, другие остались в воротах. К счастью, они не знали меня в лицо...

Один из наших рабочих появился в дверях. Я позвал и объяснил ему моё положение. «Минутку», – сказал он и через некоторое время пришёл с документами, удостоверяющими меня как работника типографии.

В воротах мы были остановлены, у нас потребовали документы. Мы их показали, и охранник грубо сказал: «Проходи». Так вновь мышь ускользнула. Интересно, что эти преследования осуществляются теми же людьми, кото-

рые совсем недавно громче всех выступали за свободу прессы...

Выборы в Учредительное Собрание проводятся по всей России. Они – вызов страны Большевистской Революции. Если большевики правы – они получают большинство голосов...

В течение последней недели я выступал на двенадцати митингах. Трудящиеся находятся на первой стадии «отрезвления», большевистский рай начинает тускнеть. Трижды рабочие спасали меня от ареста. На митинге на трубочной фабрике моё выступление было прервано группой лиц, кричавших: «Наконец-то мы поймали тебя! Ты арестован!» Я крикнул в ответ: «Я арестован, если эти рабочие согласны». «Руки прочь от товарища Сорокина» – заревела аудитория. Пока одни рабочие оттесняли солдат, другие окружили меня и помогли скрыться.

Опубликованы первые результаты выборов: большевики биты! Они вместе с левыми эсерами далеко позади правого крыла партии и в меньшинстве в Учредительном Собрании. Я и другие товарищи из Вологодской губернии получили около 90 % всех голосов.

Прошлой ночью мы организовали крайне экстравагантный праздничный банкет. Каждый из нас принёс по куску хлеба и колбасы, консервированные персики и чай с сахаром...

Я выступаю каждый день, посещаю заседания лидеров, которые разрабатывают законы, декреты и политику Учредительного Собрания. В промежутках я по-прежнему играю роль мыши, прячущейся от кота.

Легально все депутаты имеют иммунитет от ареста. Но закон – одно, а большевистская практика – другое. Все дороги теперь ведут в тюрьму. Я устал, измождён частично работой и волнением, частично голодом.

Но я повторяю слова поэта: «Подожди немного, отдохнёшь и ты». В тюрьме или в могиле...

Сегодня последний день 1917 года. Я оглядываюсь на прошедший год с чувством горечи и разочарования. Семнадцатый год дал нам Революцию, но что она принесла моей стране, кроме разрушения и позора? Принесла ли она нам свободу? Улучшила ли условия жизни людей? Нет, открывшееся лицо революции – это лицо зверя, порочной и грешной проститутки, а не лицо чистой богини, которое рисовалось историками других революций...

Перспективы на 1918 год очень мрачные, но я верю в мою страну и её историческую миссию. Рано или поздно мы найдём выход. Будь благославлен каждый день и каждая ночь моей любимой страны.

Заканчивается дневник Питирима Сорокина следующими словами: «Что бы ни случилось в будущем, я твёрдо знаю, что извлёк три урока, которые сохраню в голове, и сердце навсегда. Жизнь, даже самая тяжёлая, – это самое прекрасное, чудесное и восхитительное сокровище мира. Следование долгу – другое сокровище, делающее жизнь счастливой и дающее душе силы не изменять своим идеалам, – вот мой второй урок. А третий заключается в том, что насилие, ненависть и несправедливость не могут и никогда не сумеют создать ничего вечного ни в интеллектуальном, ни в нравственном, ни в материальном отношении».

ЗИНАИДА АНТОНОВНА ДЕНИСЬЕВСКАЯ

Ещё одним уникальным свидетельством периода революции являются поразительные по своей искренности, честности и открытости записи в дневнике нашей воронежской землячки Зинаиды Антоновны Денисьевской.

Зинаида Денисьевская родилась в 1887 г. в семье, принадлежащей к воронежской образованной элите. В их семье было четверо детей. Её отец был учителем естествознания, а какое-то время – директором в женской гимназии, в которой училась и сама Зинаида. Окончив высшие женские курсы в Москве, работала в Воронежском сельскохозяйственном институте.

Семья Денисьевской, образование и профессиональные устремления Зинаиды, делали её типичной интеллигенткой, с доминирующей приверженностью идеям служения обществу. Зинаида мечтала и стала учителем – желание, характерное для большинства русских девушек её возраста, учившихся в гимназиях в начале 1900-х, которые мечтали быть сельскими учителями, чтобы просвещать «тёмный народ». Зинаида, как и многие её сверстницы, стремилась получить высшее образование для того, чтобы *«стать вполне развитой личностью, жить сознательной жизнью, принимать участие в общественной жизни»*. Быть интеллигентом означало иметь критическое мышление, способное к анализу и синтезу всех явлений жизни. Главной идеей для интеллигенции того времени была не личная жизнь, а некая идея человеческого потенциала и самореализации.

Денисьевская начала вести дневник в 1900 г. в возрасте 13 лет, и вела его до самой смерти в 1933 г. Она описывала свою жизнь и мысли во время революций 1905 и 1917 гг., Гражданской войны, ранних сталинских репрессий, коллективизации и голода 1932-1933 гг.

На протяжении ряда лет Зинаида Денисьевская делала в своём дневнике записи о политической и общественной жизни в родном Воронеже.

Дневники Денисьевской – исторический документ, позволяющий проследить развитие личностного преобразования в ходе ряда политических и социальных катаклизмов, охватывающих несколько десятилетий: распад социально-политического строя Российской империи, революционные потрясения, первые годы нового режима, стремящегося изменить человеческие отношения и создать новый мир.

Дневники дают возможность проследить весь путь мировоззренческих перерождений, которые за не очень длинную жизнь прошла Зинаида. Сколько сомнений и страданий пришлось ей испытать, чтобы от непонимания и осуждения прийти к осмыслению и принятию исторических событий, от неприятия до признания неизбежности и важности всего случившегося, при этом придя к исключительному смирению и покорности в желании разделить общую для всей страны судьбу. Её искреннее желание и стремление быть в гуще общественной жизни, быть полезной обществу не могут не вызывать уважения.

Находясь на обочине революционного движения, 18-летняя гимназистка с завистью и чувством обиды писала о триумфах своих политически активных сверстников. В то время как на улицах Воронежа жизнь «кипела ключом», она

была вынуждена оставаться дома из-за проблем со здоровьем. Впрочем, большинство политически активной молодёжи составляли социалисты, боровшиеся за радикальные цели, которые она, сторонник «культурников» и «постепеновцев», считала недостижимыми. Не удивительно, что двенадцать лет спустя Денисьевская, уже будучи школьным учителем, мало хорошего могла сказать о молодой советской власти. *«Меня тревожит и пугает победа большевиков. Я им не верю. У них нет ни честности, ни ума; я не говорю об исключениях, но в массе своей они тёмные и злые».* Однако спустя ещё двенадцать лет Денисьевская отметила происходящую с ней перемену: *«В течение всего последнего года я бессознательно становлюсь «социалисткой», я начинаю понимать коммунизм».* Спустя ещё несколько месяцев она призналась: *«В течение 12 лет меня перевоспитывает жизнь, и только за последнее время стала я доверять партии и власти».* Её прежний взгляд на жизнь кажется ей теперь *«странным и смешным».* Осуждая своё прошлое *«невежество»*, Денисьевская, по сути, превратилась из учителя, критикующего коммунистов за недостаток культуры, в ученика, жадно постигающего новые формы жизни.

Через отношения с молодым человеком – Алёшей, вся сущность и вся жизнь которого подчинялась исключительно общественно-политической деятельности, Зинаида лучше начинает понимать суть явлений. История объясняла Денисьевской не только судьбу и взгляды Алёши и молодого поколения, но и её собственную жизнь. В письме к нему она писала, что и она является историческим типом, зависшим между мирами старого и молодого поколений (письмо А. Данкову, 16 декабря 1929 г.). Эта участь объясняла и её одинокое существование: идеологически она была слишком далека от старшего поколения и близка молодому, но неспособна, в силу своего возраста и плохого здоровья, идти в ногу с молодёжью. Однако она находила утешение в том, что была предвестником нового поколения. Даже после того, как она и Алёша расстались в 1930 г., её вдохновляла разделяемая с ним широкая историческая перспектива. Благодаря Алёше, отмечала она в дневнике, она сама начала понимать, насколько мало значения имеет индивидуальная романтическая любовь или сексуальность, за которыми ей открылась универсальная любовь к коллективу: *«И оказалось, что половое влечение – крошечный кусочек жизни; что любовь – второстепенное чувство; что одиночество уничтожается коллективом. <...> Открыла новый мир для себя в марксизме. Читаю с глубоким интересом».*

Нелегко ей было утвердиться в собственных убеждениях, постоянно происходила внутренняя борьба с самой собой, с собственными внутренними противоречиями и сомнениями. Ей мучительно осознавать, что родители не разделяют её взглядов и не осознают неизбежной значимости происходящего, но она любит их и боится за них, опасаясь, что они могут сделать что-то такое, что может нанести им вред. Переживания Зинаиды не только о самых близких ей людях, но и о тех, с кем сводит её судьба. Она искренне пытается примирить свою душу с теми несправедливостями, которые происходят у неё на глазах, оправдывая их неизбежными перегибами в борьбе за лучшее будущее для всех. Когда же несправедливость начинает перевешивать чашу весов, ей становится всё труднее примириться с нею: *«Умом понимаю, что в борьбе с вредительством, с контрреволюцией, с кулачеством и с шипучим мещанством – неиз-*

бежны отдельные ошибки. За них нельзя осуждать партию и всю вообще Советскую власть, но очень трудно переживать личную боль в отдельных случаях ошибок. Физически трудно даже». Нестерпимая боль в душе от непримиримых противоречий в итоге приводят её жизнь к трагическому финалу. Нет сил и желания жить, теряется смысл для поддержания жизни...

Записи в дневнике Зинаиды Денисьевской показывают трагедию личной человеческой жизни, но одновременно это серьёзный социально-исторический документ, позволяющий проследить за всеми перипетиями одного из наиболее сложных периодов в истории нашей страны.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКОВ ЗИНАИДЫ ДЕНИСЬЕВСКОЙ

1900 г. *Мне 13 лет. Я в 4-м классе гимназии.*

03.11.1901. *<...> Сегодня меня Бронька в шутку назвала монашкой. Она шутила, не подозревая, какая глубокая истина скрывается в её словах. Да, я – монашка, отшельница. Только не по своей воле заперлась я в этот душный монастырь. Так, впрочем, сложились условия. С самого детства я была нездоровым, слабым ребёнком, с упрямым характером, слишком серьёзная и тихая. Росла я одиноко. Подруг у меня не было. Папа был моим самым близким другом. <...> С 4 лет научившись читать, я с жаром принялась за чтение. <...> Поступив в гимназию, я осталась по-прежнему одинокой. Во-первых, этому способствовало поступление уже в начале учебного года, а во-вторых, моя болезнь. Я заболела корью и воспалением лёгких. Жизнь моя висела на волоске, но уход мамы спас меня, я выздоровела. Но сойдясь ближе с подругами по классу, я сразу откачулась от них. Большая часть девочек были очень неразвиты, а я во втором классе читала Тургенева и увлекалась им. Потом у нас вообще не было общих интересов. <...>*

19.11.1904. *<...> Теперь начинается подъем общества. Может быть, мне придётся участвовать в крупной работе целого поколения. Для этого надо читать, развиваться. <...>*

23.11.1904. *<...> И теперь я мучительно завидую и страстно ненавижу всю эту «молодёжь», которая увлекается, устраивает демонстрации и бунтует. Я завидую за то, что её любят все, я ненавижу потому, что я не могу быть такою же. Гадко. <...>*

05.02.1905. *В Воронеже чуть не всеобщая забастовка. Что-то громадное охватывает все и всех.*

06.02.1905. *<...> А жизнь кипит ключом и бьётся. Воронеж охвачен волною. Радостно, и жутко, и весело. Бомбой убили князя Сергея Александровича. Странно как-то, что приходится радоваться смерти человека. Но жалеть его невозможно. Через него стреляли в рабочих, убивали жёниц и детей. Их-то не жалко, а его жалеют?.. Но ведь и он человек, и он хотел жить. Да, приходится уверяться в странных вещах, что нельзя поступать согласно своим убеждениям, а надо следовать мнению большинства. Меньшинство преследуется. Но учёных жгли, и они своею смертью дали свет человечеству. Значит, надо идти своим путём. Истина может заявить себя сама. Конечно, если не трусить гонения. Интересно, каковы мои убеждения. Я их ясно не сознаю.*

25.02.1905. <...> Я хочу найти такое дело, которому могла бы отдаться вся, вся. Работе политической партии я не могу отдаться. Она не захватывает меня, даже как-то неинтересна. Я сочувствую им, потому что правда, все-таки, на их стороне, но работать для них, даже хотя бы принадлежать искренно и убежденно я не могу. Но я думаю, что сумею все-таки найти дело и помимо этой области. Ведь не всё же человечество – партийцы, я не буду одна. И есть же другие области жизни, требующие труда и работников! <...>

24.03.1905. Министерство просвещения запретило родителям собираться. Оно не имеет права этого делать. Отчего я не пишу многого сюда? Потому что боюсь, если будет обыск, то могу повредить себе и папе. <...>

18.05.1905. Так хочется писать, что не выдерживаю и берусь сейчас же. Когда я пишу, мне кажется, что я говорю все это кому-то дорогому, близкому или пишу письмо. Да в сущности, **дневник есть письмо самому себе. Я всегда бываю здесь искренна**, но мне почему-то всегда бывает приятно перечитывать написанное. Я точно переживаю все. Может быть, это и дурно, может быть, я люблюсь собой... не знаю. <...>

12.06.1905. <...> Я хочу счастья, хочу любви и верю, что она может быть, надеюсь, что будет. Но не томлюсь и не сосредотачиваю на ней все, не делаю мысль о любимом человеке центром жизни. Это будет случай. Пока надо готовиться, надо работать над собой, чтобы было чем ответить на любовь. И буду работать для общества — пока библиотека. Но неужели меня кто-нибудь полюбит!.. Не верится. <...>

10.07.1905. <...> Я понимаю, что не могу сойтись с социалистами, просто потому, что я принадлежу по складу всего моего характера и натуры, по воспитанию к партии «культурников», «постепеновцев»... И ненавижу себя за это. Завидую им, молодёжи, идущей на риск и жертвы и живущей всеми силами своего молодого тела. И досадно на себя.

25.07.1905. <...> Во мне происходит страшная борьба: надо отрешиться от себя, своих внутренних чувств и дум, надо отдаться общественной жизни. Мне это трудно. Точно на распутье стою. **Главное, нужно выработать своё мировоззрение.** И никак не вырабатывается оно, а стоять на одном месте — тоска и отчаяние. <...>

31.07.1905. <...> Иногда у меня мелькает мысль о писательстве. Хочется составить отрывки из моего дневника. Мне не жаль было бы показать своё внутреннее «я», потому что утешаюсь мыслью — может быть, кто-нибудь посочувствует. Да и есть ли смысл скрывать себя, прятаться в скорлупку, когда можно делиться. <...>

08.10.1905. <...> Страшно подумать о будущем. В Харьковский университет приняли 25 женщин. Если удастся, то на следующий год пойду туда. Вот хорошо-то будет.

18.10.1905. 18 октября. Первый день свободы.

Вот и добились. Объявлен манифест о свободе слова, личности, вероисповедания. Охватывает восторг. Хочется на весь мир крикнуть: «Ура! Да здравствует свобода! Да здравствует партийная борьба, да здравствует конституция!» <...>

20.10.1905. <...> А как сильна с[оциал]-д[емократическая] партия! Как приятно сознавать себя свободной, знать, что никто не имеет права прийти к тебе и проконтролировать твою жизнь и мысли, знать, что можно говорить все, все. Мне кажется, что я проснулась. Как-то не верилось все, что жизнь такая сильная, красивая. Хорошо, хорошо!

11.11.1905. Папа говорит, что настроение общества меняется. Конституционно-демократическая партия хочет уже поддерживать Витте. Всех напугали грозные речи крестьянского съезда. Там говорят партийцы. Крестьянство зашевелилось, встаёт и громит и жжёт помещиков. Это нельзя. Однако надо выяснить свой взгляд на современные события. Наиболее нравится мне программа конст[итуционно]-демокр[атической] партии. Я только безусловно отвергаю национализацию земли. Этого сделать невозможно. Да и не нужно. Насколько мне кажется, национализация земли очень похожа на коммунизм, а я решительно против этого учения. Оно совсем подавляет, заглушает индивидуальность. Никто не станет усиленно заботиться и культивировать участок земли, если он не принадлежит ему и всегда может быть отобран. Да потом, почему только одни крестьяне могут владеть землёй. По моему, могут владеть и помещики, но не в большом количестве, напр. не более тысячи десятин. Я против насилия и разгромов. Мне кажется, что можно мирной борьбой добиться значительного облегчения жизни людей. Все равно всем хорошо жить никогда не будет. Не может быть. Поэтому не надо этих пылких молодых жертв. Не надо их. Жертвы будут, конечно. Потому что раз борьба, то жертвы всегда бывают, но эти жертвы обиденны. А вот те, которые в экстазе даёт из своей среды молодёжь, те, которые мечтают своею смертью сразу достигнуть своего социального идеала. А, по-моему, этого идеала достигнуть невозможно, и потому не надо этих жертв. И я такую жертвою никогда не буду.

30.11.1905. Весь день ушёл на библиотеку. Весь день. Так и вся моя жизнь проходит. Читала в библиотеке газеты. Мне кажется, что в России скоро вспыхнет снова всеобщая забастовка и тогда добьются созыва Учредительного собрания. По-моему, оно нужно. Оно будет единственной силою, которая сможет повести Россию по нормальному пути революций, без этой страшной анархии, которая царит сейчас. Впрочем, междоусобная борьба самого общества неизбежна при революциях. Для меня лично потому она неприятна, вернее, страшна, что я ни к какой партии, ни к какой организации не принадлежу и потому чувствую себя бессильной перед этими могучими волнами русской бури. Мне нравится Витте, я почему-то уважаю его. Он имеет силу воли идти против многих, стоять за то, в чем убеждён. А я смогла ли бы? <...>

18.12.1905. <...> Неужели папа, мой любимый, высокий папочка настолько затянулся в эгоистичную мелкую жизнь, что не хочет даже понять, что нужно всем приносить жертвы во время революции. Он не хочет понять этого. Это ужасно тяжело, потому что я его люблю. Я верила ему всю жизнь. Я считаю его высоким. А он теперь часто такую ерунду говорит детям. <...>

17.10.1906. Печальная годовщина! Какое счастье было пережито в этот день ровно год тому назад! Никогда в жизни, ни до, ни после, я не ис-

пытывала такого безумно-радостного подъёма духа, как в тот памятный день, когда стояла с 10-тысячной толпой у народного дома и впервые сознала себя человеком, членом общества. А сегодня, сегодня этот день я провела в страхе: были слухи, что готовится какой-то погром. Но ничего, конечно, не было. И мне самой стыдно, что я такая трусиха <...>.

02.01.1907. Мне хочется хоть куда-нибудь поехать, поближе стать к интеллигентной жизни. Меня интересует глубоко и политика, и партии, и много, много вопросов, я думаю о них, только не пишу сюда, потому что теперь не могу быть спокойна относительно обыска. Душа моя, сердце, чувства полиции не нужны, ей интересны мысли относительно общественной жизни, потому об этих вопросах я привыкла думать про себя, чтобы не подвести как-нибудь других.

23.10.1908. <...> Я все думаю, зло или добро принесло мне знакомство со студентом. Сделалась ли я хуже? Не развращается ли моё тело, мои чувства, мои мысли? Но разве я стала хуже? Что за ложь! Мой идеал женщины – не Гретхен, не Лиза из «Дворянского гнезда»; я вспоминаю ряд женщин – Веру Павловну из «Что делать?», Елену из «Накануне», вереницы образов, с любовью и уважением описанных Потапенко, Н[емировичем]-Данченко и другими, вспоминаю г. Кюри, вспоминаю Федяевскую и Шурочку и думаю – все они жили, любили, знали мужчин и от этого ни на одну из них не падает тени, наоборот, новые сложные переживания возвышают личность каждой, развивают её. И открывая мне чуть-чуть область этих переживаний, студент не унижает меня. <...>

16.09.1911. Я нашла вчера вечером одну мысль в «Вестнике воспитания». Это как бы ответ на мои слова, написанные выше.

«В факте физической любви, самом по себе, нет ничего ни позорного, ни возвышенного; он становится таким или иным лишь в силу совокупности тех явлений психической и общественной жизни, которые его сопровождают. Акт физической любви есть одна из сторон жизни нашего организма, совершенно естественная и нормальная; он действует облагораживающим образом на человека и ведёт к высокому подъёму его творческих сил, к созданию крепкого, здорового и жизнерадостного потомства, когда совершается под влиянием глубокого, разделённого чувства, захватывающего тело и душу одним гармоническим порывом; он есть безнравственное явление, когда совершается помимо этого чувства, из жажды материальных благ, насильно или при условии равнодушия, – хотя бы в этих случаях и были соблюдены все законные гарантии». <...> Да. Все это так. И я не права, требуя от людей физической чистоты. Впрочем, я её не требую, а тоскую по ней как по идеалу. <...>

09.10.1913. <...> На днях в «Современном мире» попала статья Коллонтай о новых женщинах. Я читала и радовалась. Там я нашла отклик своей души. И теперь я понимаю себя. Да. **Я принадлежу к разряду «новых женщин».** Меня такой постепенно делала жизнь и сделала. **Я не только женщина, но прежде всего человек, и для меня любовь к мужчине – свет, радость жизни, но не единственная цель и смысл.** <...>

20.06.1915. Война продолжается. Я внимательно читаю газеты, слежу за войной и за общественной жизнью России. Досадно, что сама не принимаю в

ней участия. Сейчас начинается возрождение русского общества. Раньше всякая общественная самодеятельность преследовалась правительством. Сейчас наоборот, общество зовут прийти на помощь армии и правительству. Вчитываюсь в рескрипты, в отчёты о собраниях комитетов и съездов, и в душе начинает расти какое-то радостное чувство. О, Россия, о родина моя, широка и необъятна раскинулась ты, много в тебе возможностей, красоты и прелестей! Люблю я тебя! Вся я – русская. Люблю простор своих степей и лиловые дали, милый Днепр и нашу русскую тоску и неопределённость. Все люблю. **Боже, дай мне силы вложить каплю своего мёда в сокровищницу родной страны, родного народа!** <...> **Верю в победу над германцами, в светлое будущее России, в смысл жизни.** Верю, Господи! Возьми мою жизнь, мою душу, употреби её на то, что нужно в общем ходе жизни. Только слабы мои душевные силы, мало во мне терпения и доброты. О, подкрепи меня, Ты, ведающий судьбами мира. <...>

05.10.1916. Утро. Меня удивляет вот что: живу я на земле в такое время, которое, может быть, не будет иметь себе подобного во всей будущей истории человечества, а между тем, занимаюсь мелочами, и мысли и переживания мои какие-то узколичные или профессиональные. Отчего так?.. Мне стыдно перед самой собой. **Хочется ближе слиться с общей жизнью, сознавать руководящую идею всего происходящего, а мне некогда!** Ежедневная работа отнимает все время и силы.

13.11.1916. <...> Вообще я ни во что определённо не верю, кроме того, что все идёт по неизбежным определённым законам, что от судьбы не уйдёшь. Если России суждено быть счастливым государством, она станет им, если нет, – ничьи отдельные усилия не помогут. А моё дело в жизни – воспитание мальчишек. Как идут некоторые люди по призванию к крестьянам, так я иду к мальчикам моим. И в этом понятный мне смысл моей жизни. <...>

06.03.1917. Ах, Господи, как поумнел русский народ!.. Читаю запоем газеты. Все вдруг поняли значение порядка в жизни, все рассуждают как-то разумно. Даже мальчики и девочки. Правда, часть из них требует немедленно прекратить войну, часть путает «монархию» и «анархию» (Башкатов, III кл.), – но на то они и дети. <...> Думаю, что надо будет объяснить ученикам значение наиболее употребительных теперь выражений: конституция, монархия, республика, верховная власть и т.п. Как хорошо! Я все больше и глубже радуюсь, и так хочется энергичнее и активнее принять участие в общей жизни. Я не бываю на собраниях и митингах. Но утешаю себя тем, что все силы свои отдаю учительству. Я вкладываю душу в своих мальчиков, все мысли и чувства стараюсь перелить в них. <...>

24.04.1917. <...> Как я отношусь ко всему происходящему в России? – Мне немножко тревожно и досадно, что в России революция идёт так безалаберно, что узость классовых интересов заслоняет общечеловеческие, что рабочие и солдаты не могут понять исторических задач государства. Временному правительству я верю, люблю его, уважаю и восхищаюсь им. <...> Я не живу, – я смотрю. Работа моя – учительство – больше захватывает меня.

19.09.1917. Меня изумляет и огорчает то злорадство и брюзжание, которое теперь приходится слышать почти везде от интеллигентных людей. Нет правильного исторического взгляда на события, везде полное непонимание общих причин, исторических законов; везде и на все – личная точка зрения.

04.11.1917. Вечер. 6 ч. <...> Папа говорит, что большевики, в общем, побеждают в Петрограде и в Москве, что Керенский исчез. Я не верю в провокаторство Керенского. И меня тревожит и пугает победа большевиков. Я им не верю. У них нет ни честности, ни ума; я не говорю об исключениях, но масса их темна и зла. Я думаю о социализме. В нем высшая справедливость и высшая любовь, но он может быть достигнут и путём большевистского бунта. Потому что сущность людей не меняется сразу. А в человечестве, возможно, – наши русские слова о мире всего мира, о братстве произведут сотрясение и дадут толчок к движению к добру. Не знаю, не знаю. Я пытаюсь осмыслить, понять, разобрать происходящее и делюсь на две части – мысль все принимает, и хорошее, и плохое, как камни для построения здания революции, сердце – болит и тоскует и жадно ищет пути доброго и красивого.

12.11.1917. <...> Я – обыкновенный русский человек. Я люблю природу, люблю детей и люблю полезный труд. Ни зависти, ни злобы у меня ни к кому нет. Я хочу работать, жить, никому не мешать и чтобы мне никто не мешал. Я испытываю отвращение ко всякому насилию. И вот судьба помещает меня в котёл русской революции. Стать в ряды борцов какой-либо партии я не могу, я не способна к борьбе. Мирная работа сейчас очень затруднена. Кругом кипят партийные страсти. И во мне они вызывают, главным образом, тоску и отвращение. Не то нужно. **Нужна любовь, а не зверство.** Нужна честная борьба, а не вербовка в партию громкими лозунгами темных людей, что делается сейчас кругом. Я понимаю: русский народ настрадался и потому полон бессмысленной злобы. Все это перегорит. Но... ах, Боже мой, зачем же так страшно развилось опять пьянство по деревням и городам?!. Отравляет и тело и душу свою народ. Отчего с этим злом не борются партии?.. А впрочем, может быть, после установления общего порядка – и начнётся с ним борьба. Сразу всего охватить невозможно. Только безумно жалко случайные жертвы, павшие в революции. Какой в них смысл? Я не понимаю, но, верно, в конечном счёте, он есть. <...>

21 февраля – 6 марта 1918. Странное положение занимаю я в жизни: ни к какой партии, ни к какому классу я не принадлежу целиком, никакую национальность я не презираю и не возвышаю, ничьи взгляды не разделяю безусловно. И потому я вечно между двух стульев, вечно «не горячая и не холодная». И потому одинока. Я не большевичка, но и не браню их огульно, я считаю, что нашествие немцев, полезное для упорядочения жизни текущего момента, глубоко вредно для России, и мне грустно за русский народ, за его судьбу. А сейчас почему-то очень многие с радостью ждут прихода немцев. Бранят социалистов. Большевики как будто подписали мир, но война продолжается. Взяты Нарва, Псков, Гомель, Киев. Что ждёт Воронеж?... <...>

2/15 апреля 1918. <...> Отступающая, недисциплинированная Красная армия начинает вести «внутреннюю войну с капиталом и буржуазией» в виде

грабежей и насилия над всеми, кто кажется им побогаче. К буржуазии же причислена и вся интеллигенция, хотя бы и такая пролетарская, как учительство. Ах, сколько сейчас всевозможных ужасных переживаний у людей! Слушаешь рассказы, и то все холодеет. Эти обыски пьяными, грубыми не то солдатами, не то жуликами, постоянная угроза револьверами, убийства, стрельба по улицам. В каких тяжёлых условиях заканчиваем мы учебный год! Напрягаю последние силы. Сердцу становится все хуже и хуже. Тревога за папу и маму и других людей, страх и за себя – расшатали совершенно нервы. Жизнь обратилась в почти сплошное мученье. А тут ещё угроза прихода немцев и голода. Господи, Господи, долго ли ещё терпеть?! Дай сил на это терпенье, дай бодрости! Вероятно, во всех этих несчастьях есть великий смысл и глубокое значение для русского народа и, может быть, для человечества. Я покоряюсь неизбежному, но только прошу: сохрани близких мне живыми и дай мне силу и крепость!..

21 апр[еля] / 4 мая 1918. Страстная суббота. <...> Я устала. И, должно быть, все-таки я много пережила тяжёлого, – иначе почему бы я была такая невесёлая теперь!.. Верно, так незаметно одна за другой обрывались струнки в душе, и она опустела. Раньше она умела находить в себе отзвуки весны, а сейчас – пусто, одиноко и скучно в ней. И даже писать о таком состоянии скучно и не хочется. Я не верю, чтобы это была – духовная смерть. Это – болезнь. Я растерялась под напором революции, перед этой вечной угрозой смерти, грабежа, испуга, потери близких людей, – и ещё не могу «принять» действительности. <...>

10 мая 1918. <...> Прежде я умела находить слова для отражения своих мыслей, теперь я беру эту тетрадку и сразу чувствую своё бессилие отразить в ней свою жизнь. Мне кажется длинным и скучным записывать сюда факты и события; отдельные, отрывочные мысли, чувства, настроения, такие изменчивые, запечатлеваются здесь. Нет объединения, нет выводов, нет общей картины. Что-то бесформенное – мой дневник, как и моя жизнь. Ровные строчки, чёткие буквы, а смысл их полон неопределённости, запутанности и противоречий. <...>

14.09.1919. <...> И вся эта война, убийства, расстрелы, грабежи и то, что вся эта политическая и общественная жизнь попирает и топчет личные жизни отдельных существ, – и вся безалаберщина русской революции, – всё такой тяжестью легло на сердце. И отчуждённость от мамы, почти враждебность к ней в такие трудные минуты жизни – тоже яд. <...>

Вот доказательство – как чужда я с семьёй: они смеются надо мною, что я пишу дневник: «словно девочка, пишешь описания», «тратишь и бумагу, и чернила», «смотри, про политику ничего не пиши». А ведь мой дневник – моя сущность и моя жизнь. Я только эти тетрадки взяла с собой в погреб.

25.2.1921. Вечер. <...> Книга Коллонтай и письмо Нади Вентцель навели на меня бесконечные мысли о значении «семьи»... Раньше я всегда протестовала против общественного воспитания детей, мне казалось, что это – величайшая трагедия материнской и детской души, что идеалом детства являет-

ся именно уютная семейная атмосфера, родные люди, любовь матери и отца. И я всегда безумно тосковала по этому недоступному счастью – иметь любимую и любящую, родную по душе мать, дружную с отцом. А за последнее время передо мной стал вопрос, не ошиблась ли я? Где эти идеальные семьи в жизни? Их – единицы на тысячи! Не ищут ли постоянно отдыха вне дома и родители, и дети? И не является ли идеалом если и семья, то построенная на каких-то новых началах, может быть, на обязательности отдельных комнат для всех членов семьи? Вопрос о значении семьи и об отношениях между родителями и детьми, и тех, и других – между собою, – для меня очень болезненной проблемой, который я решаю всю жизнь и который отравил мне, по крайней мере, половину этой жизни. И меня страшно интересует, как будет решать его молодое поколение в условиях революционной атмосферы. Какую форму примет брак, семья, воспитание детей?..

Сегодня я, между прочим, поняла, почему слово «буржуазия» никогда не было для меня «жупелом», а скорее наоборот – вызывало симпатию. Из всех исторических событий в детстве я обожала Великую французскую революцию, а именно она в противовес духовенству, аристократии феодальной и крестьянству выдвинула буржуазию с её индивидуализмом. Подобно тому же и у нас в России – кроме духовенства, помещиков и крестьян после 60-х годов выдвинулись «разночинцы», «интеллигенция». И вот всегда все моё сочувствие было на стороне «буржуазии» и «интеллигенции». Но теперь я чувствую, что эти сословия теряют свою передовую роль. «Правда» ушла из их мировоззрения и жизни. Она где-то гораздо ближе к идейным коммунистам, может быть, к с[оциалистам]-р[еволюционерам], или ещё где-то, среди действительно «трудящихся», но не там, где была раньше. Дело, может быть, именно в принципе труда и чувства товарищества между людьми. Чувство товарищества, уважения и любви к другим людям, живущим около тебя, – удивительная вещь! Оно – окрыляет душу и смягчает остроту одиночества. Только не всякий может его легко ощутить в своём сердце.

17.04.1921. 6 /2 час утра. <...> Тоска моя смягчилась и переплавилась. Теперь я только напряжённо-страстно хочу работы, работы в широком масштабе. Хочу знать и уметь. Хочу идти в общей цепи работников науки и опытного дела. Увлечена инкубацией. Эх, как же везде нужны люди!.. Господи, помоги!..

23 сентября 1926. Получила письмо от Алёши Данкова. Тяжёлое письмо. Говорит <...>, что все ещё любит меня, что я для него все. Бедный мальчик. Конечно, причина всему – я. Но не нарочно. Он не сумел овладеть инстинктом и дал ему покорить себя. Мне неприятно ощущать какую-то ответственность за него перед Судьбой, но что же в сущности я могла сделать? <...> Я тоскую по любви, но не по браку. И позволяя ласке входить в наши отношения, я никак не ожидала, что будут такие результаты для бедного мальчишки. Мне его искренне жаль. Но ведь он глупый мальчик, он не понимает ничего, когда я пытаюсь растолковать ему себя.

07.10.1926. Не могу и не хочу читать газеты, так много в них болтовни, хвастовства, брани и лжи!.. А в жизни одна сплошная бестолковщина. Вот

сейчас открывается в Воронеже Ветеринарный институт, высшее учебное заведение. Через неделю должны начаться занятия, а ещё нет ни помещения, ни преподавательского персонала, словом, ничего, а главное – денег. Просто по телеграмме из Главпрофобра – открывается уч[ебное] зав[едение], ректор – [И. Н.]Миловзоров, вет[еринарный] врач, партийный, совершенно неподходящий к своей роли. **Полная бестолковщина во всем. Очень скучно и противно жить сейчас в России!..**

25 декабря. Рождество. <...> Недавно очень спорили с Вероникой – она хочет все понять кругом себя, выработать в себе определённое, обоснованное на научных данных мировоззрение, говорить со своими сверстниками на общем с ними языке. Это все правильно. Но мне этого уже не нужно. Жить осталось мало. Надо спешить делать, а не думать.

29.03.1927. Сегодня был у нас новый директор нашей областной станции – Павел Матвеевич Песцов. Привозил его Вас[илий] Владимирович Фердинандов]. Долго пробыли. Разговаривали. Я испытывала странное и неприятное чувство зависти к этому плотному невысокому голубоглазому человеку. Он много жил в Китае и Японии, много видел, знает и понимает. Его речь перестривлена иностранными словами. Он – культурный европеец, вернее даже, не европеец, а интернационалист. Я ощущала в нем человека высшей ступени культуры и остро завидовала ему. Я как-то ошеломлена была его манерой говорить, мыслями, толпящимися в его голове, быстротою восприятий. Он – русский, но я так же чужда ему, как мне Дуня или Мариша. Он одет в культурное платье, а я – в валенках и старомодной кофте. Он видел и знает мир, он говорит о научных работах всех стран и народов, как о близких ему вещах, – а я ничего не знаю, сижу с утра до вечера над механической работой, состарилась, опустилась, одичала. <...>

Недавно был вечер какой-то глубокой тревоги. Все говорят о возможности и даже неизбежности войны. И так не хочется её. Жутко и противно. **И жалко Россию.** Только стала налаживаться жизнь у нас. **Несмотря на разные промахи, все-таки Советская власть в принципах наиболее правильная из всех существующих в мире властей.** И совсем не хочется никаких перемен.

18.09.1927. <...> Кроме форм жизни, нужно и содержание. Строительство «новой жизни» идет, а люди все того же «старого склада» – так же мало умных, идейных, аккуратных, толковых, честных, энергичных. Так же везде слышен стон «людей нет!..». Так же, как и 20 лет тому назад, люди эгоистично путают личную выгоду с общественным делом, мелочно-мстительны. Только теперь ещё добавлено отсутствие морального стимула – примера Христа – бескорыстной любви. И вот все это вместе взятое иногда создаёт такую атмосферу, что прямо нет сил и работать, и жить.

08.09.1928. <.> Нравится мне Ант[онина] Конст[антиновна Татарская], хоть и разные мы совсем. Радуюсь я на неё за твёрдость её духа, за цельность её натуры. Недавно она вспоминала годы гражданской войны. Много ей пришлось перенести, но вспоминает она обо всем этом бодро и со смехом. <.> Пришла в мою жизнь со своим бодрым смехом, искренним до последней нотки

коммунизмом, сильная духом, без озлобления. <...> Умная она и хорошая. И новая она какая-то женщина. Новая искренно, по существу, без фраз. И этому новому, человечески-женскому, я в ней так и рада, так и приветствую его.

13.09.1928. Вот я и в хирургической палате. <...> Большинство – оперированных, только я да ещё одна женщина, тоже с опухолью груди, ожидаем своей очереди.

Боюсь ли я?.. **Я не боюсь смерти.** Немного боюсь боли. <...> **Особое чувство скоротечности, непрочности жизни и организма человеческого вообще резко ощущается здесь. И тело человеческое здесь – предмет изучения, лечения, операций.** Так как-то странно, что личность человеческая здесь ничто, здесь важен только твой организм, и здесь **особенно чувствуешь двойственность своего бытия.**

Хочу, чтобы были отданы мои тетрадки в Музей Рум[янцевский] через тех женщин, о которых писала Варвара Григ[орьевна], на 30-50 лет, и пусть они берут из него тот материал, который им нужен. <...> **Я ясно ощущаю своё бессмертие, и мне не страшно умирать.**

23.09.1928. Грань проведена. После операции – снова пишу, живу.

07.11.28. Ходила смотреть демонстрацию – лик народа. Любопытно. Многообразен он. Интеллигенция лишь штрихи на нем, придающие ему выразительность.

18.12.1928. <...> Я устаю от молчания, от вечной невысказанности и от несоответствия своих мыслей с мыслями окружающих. Меня изумляет узколичная точка зрения, с которой смотрит большинство на жизнь. Нет белого хлеба, нет белой материи – значит, жизнь плоха. А то, что она стала для других людей во многих отношениях лучше, это не учитывается. И над всем злорадствуют, над всем иронизируют. Становится очень скучно от этой постоянной вражды ко всему.

31.12.1928. Кончается год. Снова смыкается кольцо спирали и начинается новое. Но, быть может, близок уже конец видимой её части. Три дня шло совещание по птицеводным делам при облземе. Было интересно. **Смотрела на представителей двух поколений – старого и нового, и сердце моё лежало к новому.** «Мы – современные люди – люди коротких моментов и быстрого темпа», – сказал юный председатель последнего дня – Дмитриев, один из наиболее умных и порядочных партийцев по отзывам.

15.02.1929. Езжу на перевязку через день. Вчера Русанов посоветовал сделать повторную операцию. Не знаю, как и быть. Меня не операция пугает, а необходимость опять заставлять людей заботиться обо мне. **Я теперь постоянно думаю о смерти вообще и своей в частности. Это даёт какую-то новую точку зрения на мир и жизнь. Я вдруг почувствовала себя гостьей на Земле, которой скоро надо уезжать.** Все кажется особенно милым, многое жалко оставлять, но основное внимание направлено уже не на текущую жизнь, а на отъезд и будущее.

18.02.1929. Вчера сравнялось 5 месяцев со дня моей операции. <...> Сегодня утром пошла на приём к Русанову. Два дня я тщательно готовила себя к

мысли о новой операции. Я подробно пережила её уже воображением. Но оказалось, что её не надо делать.

29.03.1929. <...> И за весь последний год я бессознательно становилась «социалисткой», я начинаю понимать коммунизм.

25.04.1929. И. С. оказался партийным, и я этому рада. Я вспоминаю, как когда-то писала здесь же, что я вся корнями в прошлом, в помещичьих имениях, в хуторах, что я ненавижу большевиков, что я чужая им. Это оказалось неверно. Мне во много раз ближе и роднее этот самый Ив[ан] Серг[еевич] – из Тамбовской губ[ернии], или Ант[олина] Конст[антиневна Татарская] из глухих пермских лесов, чем какой-нибудь Серг[ей] Серг[еевич] Серпинский или А.С. Розмарица, изображающие собой «воспитанных» людей. Мне все более и более чужда по своим интересам Юл[иана] Вас[ильевна Фердинандова], мне трудно слышать обывательские толки, слухи и сплетни. Я сердцем чувствую правду на стороне идейных коммунистов. Радуюсь встрече с ними в жизни. Они – преемники того, что я ценила и любила в русской интеллигенции. И я не могу смешивать их с Желтухинской компанией только потому, что они состоят в одной партии.

15.06.1929. С Алёшей была ещё встреча, ходили вместе на балет «Красный мак». Да, а предварительно ещё с товарищем он был у нас на ферме, и я им объясняла наши работы. На деловой почве мы встречаемся ничего, легко, но в остальном мне очень скучно от его разговоров, он затопляет рассказом, спором, возражениями. С ним не молчитя легко, как с Фердинандовыми. Ему все время хочется говорить, и он не чувствует, хочется ли его собеседнику слушать его.

21.09.29. <...> Вечер с 19-го на 20 сентября у меня провёл Алёша Данков. Печатал карточки фотографические, и много разговаривали. Он пришёл ко мне с той же юношеской страстной нежностью, с тем же глубоким убеждением, что если бы я согласилась стать его женой, – во мне выросла бы и любовь к нему, с той же «старой песней», словом, как и три-четыре года тому назад. Его ласка покоряет. У него такие сильные руки, его объятия такие бережные и удобные. В них нет грубости, в них сила и нежность. Не знаю, хорошо или плохо я делала, но мне была приятна его ласка, и я этого не скрывала. Но не скрывала я также и того, что женою его я быть не хочу, что я его не люблю настолько, что я буду рада и спокойна за него, если он женится. Ах, если бы в нем немного переделать – какие-то чёрточки в манерах и характере. Может быть, может быть, во мне умерло бы то отчуждение, которое не даёт вспыхнуть во мне ответной нежности. <...> Его манера кивать головой при прощании, его неуклюжая фигура, его манера говорить. <...> Мне хочется плакать от боли за него и за себя. Ой, как это все ужасно! Он хороший человек, В.В. [Фердинандов] очень хвалит его как работника, говорит, что он живой и активный человек. <...> А я. Я такая мелкая, такая мелочная, что ставлю ему в вину именно мелочи, именно пустяки. Ведь у каждого есть недостатки. <...> Мне 42 года. А ему 26. Какая нелепость. На 16 лет старше его. Ну, что же? Пусть этот брак длился бы два года, а потом бы он ушёл от меня. Ах, что-то я так запуталась. Хорошо чувствовать себя в его ласковых силь-

ных руках – наедине, но неприятно видеть его неумелым, без культурных навыков, нескладным, неуклюжим, вызывающим невольно покровительственное отношение к себе со стороны Юлианы Васильевны. Ах, вот оно что! «Что станет говорить княгиня Марья Алексевна!?» Может быть, не совсем то. Там, где я не согласна с Ю[лианой] В[асильевной], я не считаюсь с её мнением. А здесь я сама чувствую какую-то некультурность в Алёше. Я ведь тоже не имею многих культурных навыков, но в нем они мне бросаются в глаза.

24.10.29. <...> Когда шла домой, зашла на Терновское кладбище, постояла у могилы братьев и сестры и по языческой своей вере попросила у умерших благословения на наш брак. Не странно ли, мы станем с Алёшей мужем и женой – без обрядов, без регистраций, тайно от всех. И мой муж физически, он не будет им духовно. Потому что все-таки, все-таки мне 42, а ему 26. Но он покорила меня тем, что сумел в этом своём последнем (единственном ещё пока) письме правильно подойти ко мне, без насилия, без взятия в плен, честно, правдиво. Уже одно то, что он хочет не постоянной совместной жизни, а «встреч», что он понимает невозможность нашего официального брака, что у него своя жизнь – ученье, военная служба и проч., – развязывает мне руки, и я раскрываю их широко ему навстречу.

28.10.1929. Вчера вечером неожиданно пришёл Алёша. <...> Со мною он прост, сдержан. Ещё ни разу не поцеловал. И это мне нравится. <...> Станет или не станет Алёша моим мужем фактически, – не знаю ещё, но, во всяком случае, спасибо ему за то, что он внёс в мою жизнь.

29.10.1929. Нам мешают люди, особенно вечерами. Почему-то вечером особенно хочется уюта и ласки. <...> **Я все всматриваюсь в Алёшу. Он – взрослый. Он – в партии и в ядре комсомола. У него очень серьёзная и жутко ответственная общественная работа. Я даже начинаю удивляться, — за что он любит меня. <...> Он в тысячу раз развитее меня в политически-общественном отношении. Жизненное.**

30.10.1929. <...> Мы ушли от людей, от комнат, от фанерных стен и любопытствующих взглядов, ушли – к матери-земле, к природе, к самим себе. В эти тихие осенние лесные сумерки – я стала Алёшиной женой. Чистый он, бережный, хороший. Легко было с ним потом, не было холода, которого я боялась, не было одиночества, ощущалась все время его заботливость, нежность, его мужская благодарность. Хорошо, что он никогда раньше не употребил надо мной насилия, а ведь была возможность много раз. За то, что берег меня, уважал во мне женщину-человека, сейчас уважаю его, ценю его, верю ему. <...> 8 лет его верности мне вселяют в меня какое-то преклонение перед его личностью.

01.11.1929. Мне очень трудно. Очень трудно. Я не упрекаю его и не раскаиваюсь ни в чем, но все это не то, все не то, и я в его объятиях ещё более одинока, чем была.

Эти дни, вечера, разговоры, споры, ссоры и примирения, моменты глубокой душевной близости, моменты глубочайшего одиночества и отчаяния – не удержишь и не запишешь словами даже себе на память. Самым трудным для

меня оказалась правдивость и откровенность. А вообще – все так сложно. И вся любовь и близость оказались совсем не так, как я себе представляла. Мучительнее, сложнее и радостнее. **Меня поражает то, что Алёша такой взрослый, он старше и умнее меня, сильнее меня в жизни, правдивее, мужественнее, честнее. Я начинаю ценить его, дорожить им. Мне стыдно бывает за себя. И это чувство стыда – мучительное, но очищающее – сменяется благодарностью, счастьем оттого, что он меня любит...**

Скоро он уедет в Москву. Как же тогда жить – не знаю. Я очень устала за это время. И он очень сердится на меня за моё уныние, а я обижаюсь и прихожу в отчаяние. Захожу в тупики, лбом в стенку – упираюсь в смерть – даже в добровольную, и потом вдруг утихаю и успокаиваюсь в его объятиях. И все-таки, все-таки я стара и оторвана от жизни. И мне это больно.

12.11.1929. <...> **Вообще же мне страшно интересно смотреть на себя со стороны, как летят кувырком мои понятия и мечты и как властная живая жизнь вторгается в пределы моих фантазий.**

19.11.1929. <...> Эх, Алёша, зачем ты так далеко!?! Может быть, сумели бы и мы найти искры радости в наших встречах.

Алёша внёс свежую струю жизни в наш Птиц[еводный] отдел, мы теперь больше читаем, рассуждаем, следим за текущей жизнью.

17.12.1929. Вчера получила от Алёши открытку. Опять то же, что обычно: страшно занят, писать некогда и не умеет, не может; со мной кое в чем согласен, кое в чем – нет. Многие мои вопросы ему странны – ему кажется, что все ясно, что все само собой разумеется. И <...> ни одного тёплого слова, самого пустого шутливо-ласкового слова. **Не любит. Не умеет любить. Никогда ему любить.**

06.01.1930. Мне стала ближе общая жизнь России, стало все в ней понятнее, я хотя не верю так пламенно и беззаветно, как Алёша, в осуществление всех планов и мечтаний партии, но ощущаю правильность пути её, внутреннюю правду и справедливость в её целях. И даже классовость – то, что мне всегда как одиночке-интеллекту было менее всего понятно, – я начинаю понимать. И этот сероглазый, порывистый, увлекающийся, активный в жизни и работе – человек, мальчик, сын, брат и муж – вместе — становится все ближе и дороже. **Не так, как представлялось когда-то, совсем по-иному, по-новому входит в мою жизнь любовь. Да будет так!!!**

28.01.1930. <...> От Алёши писем нет. Иногда я очень скучаю по нему, иногда, после того, как прочтёшь вечером газету, понимаю его молчание.

11.02.1930. В сумерки 9-го – раздался звонок телефона, и неожиданно я услышала голос Алёши. Он возвращался в Москву и заехал ко мне. Я обрадовалась вся, всем существом своим, так обрадовалась, как давно не радовалась, как-то насквозь вся охвачена была радостным трепетом, ликованием. Пока ждала его – утихла, а потом наступила реакция. Стало почти безразлично. Но достаточно было бы с его стороны душевного движения ко мне, – и все, вероятно, вернулось бы. Но он не умеет любить. И он был очень утомлён. Ночью я попросила его раздеться и впервые коснулась целиком мужского тела.

Это желание было естественным и неизбежным, но, быть может, – роковым. Прикосновение разрушило какое-то очарование неизвестности. И стало скучно. Оттого, что нет у нас любви, настоящей любви, которая наполняла бы все существо. Это – не «любовь», а «связь». Мы все-таки так различны по натуре, что нет у нас настоящей душевной близости и нет страсти, которая пьянила бы и зажигала огнём тело. Что же есть?.. У него – удовлетворение «потребности», а у меня «игра воображения».

23.02.1930. Починили радио, и я опять наслаждаюсь ощущением общей жизни. Сегодня – 12-я годовщина создания Красной армии. И вчера, и сегодня – невольно вместе со всеми я праздную, горжусь, надеюсь и верю. Я хотела бы вместе с Алёшей быть вчера на торжественном заседании в Москве. Читаю газеты. Иногда Алёша кажется мне глубоко родным и близким, как брат, как муж. А иногда – совсем чужой. Он не пишет.

28.02.1930. <...> Я глубоко разочаровалась в теперешней интеллигенции. Она мне чужда больше, чем наши фермские рабочие. С этими – у меня тоже разница в обстановке, в быте и интересах, но какие-то общечеловеческие (а может быть – классовые?) основные точки соприкосновения есть. Может быть, то, что у этих людей есть приятие мира целиком, а у тех лишь того, что им нравится. Может быть, то, что эти строят свою жизнь, а те только наблюдают и осуждают. Не знаю. Но в случае войны или контрреволюции – я активно стану на сторону нашей власти – власти рабочих и крестьян. Пусть много неурядицы, много ошибок и беспотолковщины. Это переходное. Нам же не у кого учиться. Моё личное одиночество не исчезает ни в квартире Ферд[и- нандовых], ни тогда, когда я учу Настю арифметике, но моментами мне бывает и там и там тепло. Но жить я предпочитаю здесь; с Ф[ердинандовы]ми я теперь не ужилась бы. Ю. В. попала во власть города и «т[ак] наз[ываемой] интеллигенции». Шип и жалобы – скучно и противно. У нас здесь [на ферме] холоднее и голоднее, но бодрее и веселее.

У мамы на днях был обыск. Взяли какие-то бумажки, мои письма старых лет. Неприятно. Конечно, у неё нет связей с какой-либо контрреволюционной организацией. Но по своей наивности, доверчивости, глупости и религиозному фанатизму – она свободно могла куда-нибудь вклеить свою подпись или хранить у себя какие-нибудь молитвы, напечатанные на машинке. И жалко её, и досадно на неё, и страшно за неё, и какая-то глубокая ненависть ко всей этой церковности, одурманивающей её мозг, растёт во мне. Ох, ненавижу я дом, ненавижу семью. Сколько она мне горя всякого доставила!

6-7.3.1930. Вчера вечером приехал, сегодня утром уехал Алёша. Опять несколько часов вместе, только несколько часов, в течение которых едва начинает развязываться язык, как уже усталое тело клонит ко сну. Измучилась я сама и мучаю Алёшу. Мучаю тем, что хочу невозможного. Хочу я от него, чтобы он меня любил, тянулся душой ко мне, и совсем забываю о том, что он «обречённый», что он не может любить меня, думать обо мне, помнить меня, когда у него внимание и голова заняты тысячью дум и дел общественного и политического характера.

09.03.1930. <...> Он [Алёша] озабочен международным положением. В случае войны – ему идти в первых рядах.

Я прекрасно понимаю своё право – человека и женщины – на любовь, на половую жизнь. Понимаю, что для меня, кроме «физиологического момента», необходим ещё и «психологический». Все понимаю. Но ясно мне также и то, [что] из ничего ничего и не создашь. У Алёши все больше и больше чувство замыкается внутрь, все меньше он его проявляет внешне. <...> Он – странный мальчик, переутомлённый и в некоторых областях мало развитой, но искренний, верующий в свою партию и порядочный. Я уважаю его. <...>

Надо освободиться из-под власти очарования осенней сказки. Настоящая взаимная любовь мне не суждена на свете – с этим надо примириться.

10.03.30. Я не могу хорошенько понять, что со мной делается, в чем корни моего состояния – в психике или в физике. Не то устало сердце, не то опустела душа. Совершенно все как в тумане. Но отчаяния во мне нет. Я ясно и просто приняла факт неудачи в своей личной жизни. Я лучше Алёши понимаю его самого и себя, и все, что с нами происходит. Никто не виноват. Никого не упрекаю. Ни о чем не жалею. Он 8 лет лелеял мечту, и когда она стала реальностью, – она растаяла. Он меня не любит. Т.е. не любит так, как только и есть смысл любить. Я не обижаюсь. Я это предвидела. <...> Молод слишком Алёша, и жизнь его какая-то ненастоящая. Обречённый на стройку новых форм общества. Ничего не поделаешь. Он говорит, что у меня старомодные понятия о любви, о выражении её. Он не прав, потому что дело не в способах выражения её, а в сущности. <...> Прощай, Алёша! Спасибо тебе за все, что было.

13.03.1930. Глубоко и радостно ощущаю через газету и рассказы живых людей <...> – то, что делается в деревне. Знаю, что в разных местах разное делается, есть и плохое. Но основной фон жизни – серьёзное, деловое творчество нового быта. Я бессильна, я слаба, мне все хуже и труднее становится физически, я, наверное, скоро умру – я лишена возможности непосредственно принять участие в общественной жизни и стройке, – но все-таки я страшно счастлива сознанием, что человечество стало на правильный путь. Иная будет жизнь, иные люди. И я, и Алёша, и миллионы – обречены на одиночество – душевное. В будущем этого не будет. У меня сильная слабость, кружится голова и болит сердце.

17.03.1930. Была в городе три дня. <...>

Маму как будто совсем оставили в покое. Она ведь действительно ни к чему не причастна. <...>

Послушала, о чем говорят люди. На ферму вернулась с удовольствием. В городе – душно от мещанства и обывательщины. И «красота» ихняя не красота, а «красивость». И мне скучно от неё. <...>

Об Алёше вспоминаю тепло и как о чужом. Самой смешно, почему казалось, что он может быть таким понимающим и любящим. Он не такой. Он проще, цельнее. Его и надо принимать в жизни как человека современного стиля. А я от него хотела чего-то такого совершенно невозможного. Сейчас я

улыбаюсь, когда вспоминаю, как он сердился в ответ на мои просьбы найти свои собственные слова и способы выражения своего отношения ко мне. Он твердил, что не умеет и не хочет быть как другие, и это все совсем не нужно. Тогда мне было не до смеха. А сейчас я грустно улыбаюсь и над собою, и над ним. Бедный мой мальчик! Бедный усталый мальчик! Ты думал, что все это так просто.

19.03.1930. <...> Ежедневно читаю свою газету «Социалистическое земледелие», с большим вниманием слежу за всем, что делается. Не понимаю, как можно сейчас оставаться равнодушным или «шипеть». Ой, как чужды стали мне все мистики, все церковники, все «люди со средствами». все люди, попрекающие, осуждающие, презирающие то, что творится. Разве я не вижу недостатков? Вижу и знаю. Но знаю также, что нет на свете совершенных людей и что честнее признать свою ошибку и исправлять её, чем злорадствовать над ошибками других... И острее, чем когда-либо, ощущаю необходимость внутренней красоты, внутренней культуры духа – особенно среди тех, кто подменяет её культурой внешней, культурой быта. Какой-то тупой эгоизм, слепота, мелочность, условности и осуждение всего, что не совпадает с твоими вкусами, – царит в городском слое, не знаю даже, как назвать эту группу людей, ну, советских служащих, интеллигенции, специалистов. Я не идеализирую крестьян и рабочих, но там есть оправдание – невежество, некультурность. А те, кто считает себя «культурными»? Я вижу их в трамваях, в кино, в магазинах, на улице, слушаю их разговоры. Половина их, особенно женщины, – несмотря на подкрашенные губы, на туфли и светлые чулки, – недалеко ушли по развитию от деревенской темной массы. Те же сплетни, только там про 70-метровое общее одеяло, а здесь – о том, что тракторы поглотят весь керосин. Конечно, есть и другая половина – сознательных и разумных людей. Если б её не было, надо было бы поставить крест над понятием «русская интеллигенция». Но эта интеллигенция не из среды «людей со средствами».

30.03.1930. <...> А где же осень, жёлтые листья, где Алёша? Это мне все приснилось. Ничего никогда не было. И на душе – тихо, безбольно. Мне слишком ясно все, чтобы могло быть больно. Может быть, после когда-нибудь придёт тоска, а сейчас – спокойно. Я думаю, что Алёша больше ко мне не заедет. Он тоже, наверное, теперь понял, что мы такие разные и что то, что между нами, – не есть любовь. Мы стали просто равнодушные друг к другу. Причина в том, что для любви нужна или инстинктивная страсть, или понимание друг друга. Мы с ним не понимаем и не влюблены. Я ясно вижу, как гаснет в нем нежность и ласковость, которая была в первые приезды. И ответно съёживаюсь и замолкаю сама. <...> Он не виноват в этом. <...> Он поедет туда, куда пойдёт партия, – на Камчатку, на войну, в Китай. Для него личная жизнь – частичка бытия, случайность. Он слишком искренний и глубокий в своей вере и любви к партии. Я это в нем уважаю. И вот именно это уважение его личности, понимание его психики – уничтожают для меня возможность боли. Мне не горько, что его чувство угасло. Это должно было

произойти. И мне почти не жалко, потому что сама я от Алёшиного отношения к себе не получила счастья. <...>

В Алёше так хороша его чистота и искренность, что его не за что упрекнуть. Он совершенно не понимает моих писем, моих мыслей, желаний, тревог и так просто, ясно это говорит, что мне нечего сказать, кроме того, что я такая есть.

29.04.1930. <...> Мне очень трудно сейчас. Во мне разбужена женская сущность, но нет ей удовлетворения. Ни жена, ни любовница, ни мать, ни друг. Кто же я?..

01.05.1930. <...> **Оделась по-праздничному и села слушать радио. Я очень люблю и ценю радио. Благодаря ему я была в гостях у всей России в этот день. Только накануне тосковала, что не к кому пойти, а в этот день была в какой-то своей семье – на Красной площади в Москве, у Дворца труда – в Воронеже, в Баку, в Киеве и др. местах. Слушала гул тысяч голосов, ощущала своё единство с ними. Было радостно.**

04.06.1930. <...> Странную роль сыграл в моей жизни этот мальчик. Когда он меня любил, – я была равнодушна, когда я потянулась к нему, когда во мне в 42 года проснулась наконец женщина со всеми её желаниями и потребностями, – он отошёл от меня. Ну, значит, такая судьба моя – жить в одиночестве, все пережить, почти исключительно, воображением.

16.07.1930. За этот месяц я что-то поняла новое в человеческих взаимоотношениях. Может быть, это сделал Дом отдыха, может быть, книги. «Первая девушка» Н. Богданова – яркая картинка, «Комиссары» Либединского. Точно солнечный луч скользнул в темноту и вдруг осветил предметы. И оказалось, что половое влечение – крошечный кусочек жизни; что любовь – второстепенное чувство; что **одиночество уничтожается коллективом. Все это я знала и раньше, но сейчас почему-то ясно ощутила.** <...>

Целый день занята разными хлопотами и делами. **Открыла новый мир для себя в марксизме.** Читаю – с глубоким интересом.

17.07.1930. В письме к Вавочке я написала: «Я не несчастна». И вот невольно думаю об этом утверждении. Я не несчастна. Но я и не счастлива. Потому что я одинока. В этом великий смысл партийности, – что она уничтожает человеческое одиночество, что она заполняет интересы, мысли, чувства человека общественной работой, даёт ему ощущение братства, товарищества. Пионерство, Комсомол, Партия – это вообще путь воспитания новых форм человеческой личности, более современной, чем она была в нашем поколении. Я радуюсь за новых людей, завидую им. У меня нет физических сил войти в их ряды. Я обречена на одиночество до смерти.

03.08.1930. <...> От Алёши – открытка. <...> Собирается приехать после 15-го. Я хочу, чтобы он приехал, но уже как-то совсем по-иному, чем весной. <...> С меня спали «цепи любви». «Плен» окончился.

27.08.1930. <...> **Тревожно за будущее отдела.** За последнее время почему-то идут обыски и аресты. Из 9 заведующих отделами обл[астной] станции арестованы 5. За что – неизвестно. Посадили и сидят. Я беспокоюсь за

Фердинандова, Дм. Ст., за брата. Не поймёшь, за что берут. Может быть, потом и выяснится, что не за что было брать, а сколько волнений, огорчений, страхов всяких!

27.09.1930. <...> Очень потрясла раскрытая недавно вредительская организация. Как можно, как можно было профессорам продавать за деньги душу, совесть, честь!.. Я понимаю открытую вражду, но подлую, лживую. О, какая гадость! Какая низость.

03.10.1930. **Ничего не понимаю!..** Почему такие аресты? Взяли Ис. Гр., взяли Дукина А. С. <...> Что же, теперь очередь за Фердинандовым? Старый больной человек. Как это повлияет на его здоровье! Но за что? В чем дело?.. Вредителями эти люди не могли быть. Вся же их жизнь и работа на наших глазах. Ошибки какие-нибудь или промахи могли, конечно, быть, но ведь за это как судить – никто не святой!.. **Непонятно. Страшно только того, чтобы не вышло несправедливости.** Чтобы в поисках вредительства не зацепило совсем невинных в нем. Я все-таки думаю, что ряд людей поддержат и освободят. В том числе и В. В., и Ис. Гр., и А. С. Я не знаю других, но эти-то я знаю, что они работали честно, что о вредительстве их не может быть речи. Я не допускаю, чтобы тут было слепое гонение на всех специалистов. Не может быть! Просто надо во всем разобраться, всех допросить, вот и берут. Ведь может быть, действительно кто-нибудь и состоял в организации вредителей. Хотя из наших опытников, мне кажется, если кто и поступал в чем неправильно, то скорее по глупости или недомыслию, но не по вражде к Советской власти... Ох, как мучительно ждать. **Скорее бы это все разъяснилось!..**

16.10.1930. <...> **Впереди все так неопределённо. Я готова ко всему, самому трудному, потому что сейчас так легко быть несправедливым.** Все эти бесконечные вредительства так сбивают с толку, что возможна путаница и ошибки. Взяли Якушкина. Почему? За что? Говорят, что он собирался даже вступить в партию. Значит, вовсе нет речи о вредительстве. **Ничего не понимаю. Жутко. Жутко оттого, что перевёртываются вверх ногами все понятия. Что хорошо, что плохо? Кто искренен, кто лжёт? Как нужно и как не нужно жить и работать?.. Думаешь, что правильно поступаешь, окажется потом – нет.** Тяжело за В. В. <...> Старому человеку переносить всю эту трёпку нервов — трудно. Он работает сверх своих физических сил. Да ещё весь этот кошмар вредительств, арестов, расстрелов. Не знаешь, захватит или не захватит и тебя мимоходом эта волна. Мне очень жалко его — именно за эти переживания. **Радостно отдавать силы и жизнь на работу, которая нужна, но катастрофично испытать момент, когда говорят тебе, что ты делаешь не то, что нужно.**

Хотя мне кажется, что В. В. понимал и сочувствовал и работал в жизни, в противоположность многим профессорам и специалистам, именно по-новому. Строительству новой жизни он отдал своё здоровье и свои силы. И все-таки, все-таки историческая судьба его может оказаться ужасной. Волна классовой вражды может затопить его вместе с людьми, которые того заслуживают, но которые чужды ему по духу. Нечаянно. Так бывало всегда, во все времена и эпохи. Его отец был учитель. Он сам — ветврач. Что общего

между ним и помещиками, между ним и дворянством?.. Ничего! Его специальность выдвинула его именно благодаря революции. Он может кряхтеть и ворчать на мелочи жизни, но в крупном он сознательно идёт и работает рука об руку с Советской властью. Он искренно говорил мне, что при таких темпах, как теперешние, именно при них только, возможны чудеса строительства новых, более совершенных форм жизни. И это его захватывало и увлекало. <...> И все-таки возможно, что его возьмут. За компанию вообще с областной опытной станцией. При его здоровье – это смерть. Но смерть неизбежна вообще.

27.10.1930. Опять разговоры о нашем выселении. **Положение остаётся до сих пор неопределённым.** Кто наш хозяин – неизвестно. Кто мы? Что мы?.. **Одиноко, тревожно, тоскливо, и болит сердце.** <...> **Ну, что же, пусть старое ломается, пусть строится новое.** Умереть бы скорее, раз нет физических сил принимать участие в стройке.

28.10.1930. Очень болит сердце. Это мешает правильно мыслить и чувствовать. Сейчас положение нашего отдела катастрофическое — ни хозяина, ни денег, ни людей. С фермы нас гонят. Жить нам негде, работать негде и некому. <...> **Я стараюсь убедить себя в неизбежности перетерпеть этот переходный момент, похоронить старое, помочь рождению нового.** Но боли в сердце отнимают всякую бодрость.

28 окт. <...> Вчера ночью взяли Богадского. Теперь, несомненно, очередь Вас[илия] Владимировича Фердинандова] <...> Это неизбежно, потому что очевидно обл[астную] оп[ытную] станцию целиком обвиняют в правом уклоне или в чем-нибудь похуже. Но очень трудно. Потому что по отношению к В. В. это – несправедливо. У него могли быть ошибки, но никогда не было вредительства. **И очень трудно примириться с этой несправедливостью, принять её как исторически неизбежный факт.** Умом понимаю, что в борьбе с вредительством, с контрреволюцией, с кулачеством и с шипучим мещанством – неизбежны отдельные ошибки. За них нельзя осуждать партию и всю вообще Советскую власть, но очень трудно переживать личную боль в отдельных случаях ошибок. **Физически трудно даже. Особенно мучительно ожидание.**

06.11.1930. <...> Читаю в газетах об участии Писцова, Минина и других в какой-то крестьянской трудовой партии и изумляюсь, и не верю немного. Мне кажется, что ГПУ преувеличивает роль этой организации. Можно ли вообще серьёзно умному человеку верить в жизненность такой партии, тем более принимать в ней участие?! Это же нелепость!.. И что им в старых порядках?.. Не понимаю я всего этого. Их психология мне совершенно непонятна. Кто они – дураки, сумасшедшие или негодяи?

07.11.1930. **13-я годовщина Октябрьской революции.** Целый день касаюсь праздника через радио, через ферму; целый день ощущаю себя не одинокой. Как много изменилось за эти 13 лет – и во мне, и вокруг меня!.. **Переродилась жизнь!.. И я переродилась.**

20.11.1930. <...> Открыта новая к[онтр]-р[еволюционная] организация. «Промышленная партия». Эти вещи просто потрясают. Читаешь о них в га-

зетах, – в конце концов, охватывает глубочайшее негодование и начинаешь чувствовать, что готова идти на всякие жертвы для защиты нашей родины – «страны Советов», страны, где на смену прежним тупым, невежественным, ленивым, хитрым и чужим по духу прежним деревенским бабам идут те колхозницы и коммунарки, с которыми я жила в Козлове. Я никогда не забуду этих женщин. Они мне роднее, чем городская интеллигенция.

21.11.1930. Я глубоко уверена, что Ис. Гр. не принимал участия ни в какой к[онтр]-р[еволюционной] партии, однако его взяли. В.В. тоже нигде не принимал участия, но каждый день я жду известия об его аресте. И это страшно мучительно.

24.11.1930. И холодно, и скучно. И одиноко. И нет здоровья.

26.11.1930. Но стоит только немножко потеплеть, стоит только мне чуть-чуть оправиться, – я опять весела и счастлива и работоспособна. Эти два дня провожу практические занятия с курсантами. И когда я вижу внимательные глаза, когда я слышу разумные вопросы или пересказанные неуклюже, но по существу верно научные понятия, – я испытываю глубокую радость. После занятий с группой, – когда уже я собиралась обедать, – пришли еще двое курсантов, похоже, колхозники, видно, из деревни, по языку и манерам; они завтра дежурят по инкубации и потому пришли сегодня. И я снова провела с ними все занятия. И, может быть, именно оттого, что эти сверхпрограммные (неоплачиваемые) два часа занятий наполнили меня какой-то особой теплотой, радостью единения с теми, кто жаждет знаний и будет искренно строить новую жизнь, – я сейчас так и счастлива. Я люблю свою Птицеводную опытную станцию за то, что она зажигает огонь в человеческих глазах, я люблю тех, кто интересуется знаниями. А когда в сердце любовь – я счастлива.

02.12.1930. Была у доктора. Сердце хуже, чем год тому назад. Водил на просвечивание рентгеновскими лучами. Плохи дела в лёгких. <...> Вообще – хронический туберкулёз лёгких. Но открытого процесса ещё нет. Эта зима, наверное, доведёт до него. Очень плохое питание. Ну, что ж, такая судьба. Чем я лучше других?! Только хочется начать вуз!

12.12.1930. Вуз начал работать 10 декабря. <...> Я почти все время занята на производственных совещаниях... Когда хватает сил – счастлива.

13.12.1930. Моё здоровье тает заметно. Я очень исхудала. И болит сердце. Но во мне почти нет внутреннего протеста. Такая жизнь! Это – общее явление – плохое питание, переутомление. В будущем жизнь наладится, и все будет иначе, а сейчас это – судьба нашего поколения. Надо работать для будущего, иначе и им будет не лучше, чем нам. А поймут они это или нет, в конце концов, – неважно, потому что к тому времени я все равно умру. Но мне самой, вот сейчас, сознание какой-то внутренней общности с этими будущими поколениями – необходимо, как воздух. За последние годы я стала чувствовать себя не только «дочерью вселенной», но и частичкой человеческого общества, и именно того общества, которое строится в «Стране Советов». Я нисколько не идеализирую сейчас нас, русских, я от-

чётливо вижу минусы во всех окружающих людях, но вижу и плюсы, и ощущаю общие целевые установки всей жизни их. За последнее время сильно помогла оформиться внутреннему ощущению вся эта история с Промпартией и другим вредительством.

1 января 1931 г. Опять новый год, новый круг спирали, третий год пятилетки. Он начался с хозяйственных забот – топки печей и приготовления завтрака. Затем я поехала в институт. И там мне неожиданно сообщили, что через день надо начинать чтение курса. С одной стороны, это казалось невозможным, надо было ведь перевезти лабораторию; а с другой, на меня нахлынуло неудержимое желание – осуществить невозможное, активно включиться какими-то героическими темпами в этот третий год пятилетки, не дать возможности образоваться прорыву в учебной жизни вуза. Кончилось тем, что я опять ушла пешком на ферму.

04.01.1931. Второй день занятий. <...> **Несколько дней вопреки, наперекор страшной усталости – я носила в душе голубой свет новогодней ночи и радость своего внутреннего включения в «пятилетку» строительства новых кадров. Я упорно защищала от всяких давлений со стороны минусов жизни, её колючих мелочей – свою радость, своё право на неё, пока она спокойно и тихо не превратилась в бодрость рабочего настроения. Ах, если бы удалось и её теперь удержать подольше! Все зависит от того, насколько физически выдержит сердце. <...> Спасибо, Жизнь!.. За прошлое, за настоящее и – авансом – за будущее!..**

23.01.1931. Почти месяц я работала и наслаждалась этой работой. Работала очень много. <...> И все время я горела, светилась и радовалась. Сегодня наступила реакция. Может быть, потому, что слишком много говорила о своей радости и в письмах, и словами. Может быть, потому, что гнетущее впечатление осталось сегодня от Вас. Вл. Он до такой степени болен нервно, что это уже переходит в психоз. И мне жутко за него. И жалко его. И у меня сегодня болит голова и нет физических сил... Ах, не хочу, не хочу поддаваться унынию! Я только вырвалась из своего фермского заточения на вольный воздух. Я хочу работать, хочу жить одной жизнью со всеми!.. Я так верю в правильность пути.

19.02.1931. Разве видишь время?.. Оно летит неудержимо. Сжилась, сроднилась с вузом. 15-го было его официальное открытие. <...> **Я внимательно смотрю на все внутренними и внешними глазами. Вуз. Он не таков, как были в старину. Он ниже по культурному уровню, но он – живой кусочек жизни, он – вуз масс, он необходим. И открытие его было не парадное, и речи не очень связные, и студенты без культурных манер. А все-таки смотрела я на весь зал клуба и ощущала всю массу студенчества, и сквозь слова речей чувствовалась вблизи кругом вся страна, весь народ. Не было ощущения пропасти между деревней и интеллигенцией. Наоборот, было единство. Года два тому назад во время демонстрации увидела я «лик народа». В день открытия нашего вуза – я снова с ним встретила. Изменчив и разнообразен этот лик в форме своей, в настроениях. Но его ни с чем не спутаешь. Тогда я смотрела со стороны. На этот раз я была с ними вместе.**

12.04.1931. Пасха. А у меня очень даже рабочий день, и даже ни на один момент не шевельнулось сожаление о том, что этот день не празднуется. Чужда всегда была мне эта идея бога, распятого за грехи людей и воскресшего. Глупой, бессмысленной казалась она. Не было празднования идейного, и поэтому так легко вычеркнулась бытовая и обрядовая сторона. <...> 29-го И. Г. выслали на 5 лет в Челябинск [16], не предъявив к нему никаких обвинений. Урусова и Нечепалева расстреляли. Я думаю, что тут какой-то перегиб. Не могли они быть виновнее всех. Особенно Урусов. Такой он был какой-то незаметный и нерешительный. Уж если Минина оставили в живых, то Урусова давно можно было не уничтожать. **Какой все-таки ужас – смертная казнь. Именно её бесповоротность.**

Я знаю, что в жизни неизбежны – уклоны, ошибки, перегибы, преступления даже; и принимаю всю эту историю воронежскую как одно из сомнительных явлений текущей жизни в данное время. Ведь подробности от нас скрыты. Если б все было опубликовано, тогда другое дело. Все было бы понятно. А то непонятно и сомнительно, чтобы Урусов был виноватее Минина, о котором так много говорили. И мне очень жалко Нину Ипполитовну. Как ей все это трудно!

Ну, что же, мёртвых не вернёшь, даже убитых по ошибке, и это не причина, чтобы опускать руки. В основных своих идеях партия сейчас права, и я заставляю себя проходить мимо мелочей. Нельзя частности смешивать с общим. Это очень трудно – иметь все время широкий горизонт, особенно непартийному человеку. Но только это – осмысливает жизнь и работу. Прочла вчера Фурманова «Мятеж». Какая прекрасная книга! И какое у него лицо!.. Да, есть настоящие коммунисты!.. И наряду с ними есть всякие. Очень интересны мне были за эту зиму занятия по диамату.

14.04.1931. <...> **Как переменялась я за эти 10 лет, особенно за последние 3 года, как много поняла! Даже жаль, что забросила эти тетрадки; очень уж некогда, но в то же время потом из памяти ускользают все подробности жизни и мыслей. Большинство из беспартийной интеллигенции сейчас перегружено работой, плохо питается, ворчит и из-за деревьев – не видит леса. Около них – бесконечно скучно.**

01.05.1931. **Вчера – вечернее заседание – митинг в бараке; сегодня – демонстрация. Усталость мешает чувству радости. Но зато – ощущение органического слияния со всеми празднующими этот день. Вот все мы, наш вуз, всё СХИ, все вузы, рабфаки и школы, все рабочие, все красноармейцы — все мы – одно. У нас всех наши общие, именно наши, знамёна, флаги, плакаты, лозунги. Мы все идём вместе – одни и те же песни, мысли. На этот раз я не видела «лика народного», потому что я сама была клеточкой его, была каплей в потоке, я делала «1-е мая», а не смотрела на него со стороны. Это ощущение полного слияния с такой многотысячной организованной массой – даёт незабываемые воспоминания. Это «первое мая» – первое в моей жизни. Я очень устала. Часа три ждали, быстро шли. Мне стало по-**

что дурно. <...> С трудом добралась домой, но я не жалею. Может быть, первое и последнее моё участие в демонстрации, но я счастлива, что оно было.

23.12.1931. Жгу старые письма. Смешно, а сердце полно какой-то тоски, как будто стою у могилы. Письма гимназических подруг. Библиотечников. Людей, давно умерших. Володи и Ксени – письма Люб[ови] Николаевны. Помешиваю кочергой их, смотрю, как пламенеют листки и превращаются в уголь. **Мир всему, что отошло... Забвение... Я стала другая. Жизнь кругом другая. Я живу живой настоящей жизнью.** Остались письма только самых дорогих людей и родных. Может быть, тоже на какое-то время. А там и их пожгу. А как я изменилась! Т.е., может быть, просто вернулась к своему... Я так бываю счастлива в своей педагогической работе!..

13.01.1932. Недавно случайно посмотрела свой дневник за 1927 г., и даже жалко себя стало – какая трудная и бесцветная была в том году моя жизнь. Ни научной работы, ни личной жизни, ни радости. Я, действительно, точно на свободу, на простор вырвалась с фермы. Какая была там отчуждённость от общей жизни, какое невежество в ней!.. Теперь даже странно и смешно. Полное неведение, непонимание сути происходящих исторических явлений, неумение и почти нежелание понять это все; замкнутость. А сейчас?.. Сейчас – разве можно для меня жить без газеты, без радио, без вузовской работы, без активного участия так или иначе в общей жизни Страны Советов?! Я стала сознательной её частицей. Как произошёл этот перелом? Нет, это не перелом, а органическая перестройка. Я нашла «своё» — в диамате, в истор[ическом] материализме, в марксизме и ленинизме, может быть, своеобразно преломлённое в моей психике, но во всяком случае более близкое мне, чем всякие христианские и другие философии. В диал[ектическом] материализме меня больше всего радует его честность и справедливость, – нет в нем высокого «Духа» и низменной «материи». Мир един, мир – в течении, в единстве противоположностей, и я его частица, член человеческого общества, и именно – трудящийся член нашего русского рабочего класса. Как это сделалось, что я осознала это, – не знаю. Постепенно шел рост сознания. А год вузовской работы, возможность посещать кружки по диамату и педагогике – закрепили создающееся оформление. <...> И я в тысячу раз стала счастливее и удовлетворённее, несмотря на больное сердце и малярию.

07.02.1932. <.> Думаю о смерти. Не хочется сейчас умирать, я так недавно стала жить «по-человечески».

21.02.1932. Я так глубоко счастлива, несмотря на разные мелочи. Люблю вуз со всеми его неполадками, люблю студентов, преподавателей, коридор, залитый солнечным светом, лунные ночи. <...> Я так люблю и природу, и людей, и работу свою, так счастлива, что нет слов это выразить. Как я благодарна жизни за то, что последние годы жизни мои — такие яркие!..

21.03.1932. Дни бегут незаметно. Смотр вуза, методич[еские] совещания. Заседания] на оп[ытной] станции, в секц[ии] научн[ых] раб[отников]. А внутри – <...> сочувствие, тревога за некоторых студенток и многое другое. И ещё глубже – грусть за то, что жизнь моя однобока, за то, что нет и не мо-

жет уже быть – мужа-друга, любимого и любящего. Каждой женщине нужен такой муж, и каждому мужчине – жена. И в будущем, когда люди будут более однообразны, более стандартны по своему образованию и привычкам, – это созвучие чаще будет встречаться. А сейчас, пока так все разнообразны и несходны, что инстинкт, физиология, идёт сам по себе, а психика сама по себе.

09.04.1932. <...> Как я тоскую по дружбе, по товариществу с мужем, с каким угодно мужчиной!..

<...> И ещё вчера в разговоре с Зиночкой я лишней раз почувствовала себя сиротливой и одинокой – в своём отношении к современной жизни. Я не умею ворчать, бранить и осуждать по мелочам. Я мирюсь с неизбежным злом ради крупной хорошей цели. А большинство людей в России сейчас попрекают партию и правительство за всякие промахи отдельных лиц, за неурожай, за темпы, за пьянство, за некультурность массы, за все. Требуют от коммунистов – идеальности вообще. И мне так скучно становится от этой расплывчатой требовательности, от этих жалоб и попреков. А когда я возражаю, мне говорят, что я всегда все оправдываю, что я ко всему приспосаблиюсь и т.д. Это неверно. Я хочу только все правильно понимать и знать то, чему доверяешь. И ненавижу я этот шип змеиный, пустой и вредный. Трудности надо переносить молча.

09.05.1932. <...> Случайно попалась страничка из какого-то старинного номера «Нивы» за 1896 г. Там – отрывок из романа. Описывается жизнь и чувства нескольких семейств – из дворянско-помещичьего круга. И так странно теперь читать это, странно видеть их оторванность от общей жизни народа, государства. <...> Меня-то собственно вдруг поразило при чтении этого отрывка ощущение безграничной отчуждённости этих людей от всего остального народа. Теперь нельзя жить – не чувствуя, не помня, – что вот сейчас по всему Союзу проходит посевная кампания или ещё что-нибудь подобное. Во время 1-го мая, благодаря радио, – ощущаешь в шуме, голосах из всех городов, в блеске реющих знамён – единство со всеми трудящимися, т.е. фактически почти со всем населением своей страны. А они – были такой замкнутой кастой. В молодости этого не замечалось, а теперь – так ясно!..

06.09.1932. Почему у меня в душе такая пустота? Вчера была у своего доктора – пониженное кровяное давление, увеличена немного щитовидная железа, ослабела деятельность сердца. Опять четыре лекарства. А мне кажется, что дело в том, что я никого не люблю и не понимаю сейчас политики партии, и потому нет радости жизни, ощущения её смысла.

15.09.1932. <...> Во мне случился какой-то надлом, в моей психике. Я стала вроде Вероники, всем и всеми недовольна, ненавижу Смычникова, ставшего завом учебн[ой] части. Он отравляет мне жизнь. От него всегда ждёшь какой-нибудь сумасбродной выходки, всегда возле него надо быть настороже, готовой к защите, и это утомляет и раздражает. И нет у меня сейчас никого и ничего, на что бы я радовалась! Все и всё – причиняют какие-нибудь неприятности. И особенно меня пугает новое явление во мне – вспышки

гнева, от которых я теряю над собой волю и которые сжигают меня и измучивают до нервной дрожи. Куда делось моё спокойствие? <...> Что мне делать с собой? – Не понимаю. Лекарства не помогают.

24.09.1932. <...> Кармен, ставши «Карменситой», не изменилась. Искренняя, правдивая, страстная, любящая, свободная в своей любви и умирающая за свое право быть свободной. Хозе – несчастный, страдающий от ревности, собственник-мужчина, отдавший душу женщине и потерявший через то себя. <...> Но, в воображении рядом с Хозе встаёт другой человек – из «2-х встреч» – я не помню сейчас его имени, – который, узнав, что его жена – член вредительской организации – передаёт её в руки ОГПУ. Я помню его лицо, помню его борьбу с собой, суровую и сильную. <...> И помню его страстный выкрик во время речи на спуске теплохода: «Мы строим социализм, и мы его построим, несмотря ни на что!» А рядом с красавицей-Кармен я невольно ставлю Варвару Григорьевну, отдающую силы и любовь детям Мих[аила] Владимировича] от его второй жены. Да, Кармен прекрасна, но она уже чужда нам, женщинам СССР. В трамвае, возвращаясь, я слушала разговор двух студентов: «Как глупо кончилось! Сама себя подставила под нож!..» Да, они отстаивают своё право уже другими путями.

Два дня Комиссия работала на дому у В. В., и я опять столкнулась близко с Ю. В., с её воркотней, с её враждебным отношением ко всему современному. И в ответ на её слепую и глупую злобу – во мне опять поднялось властное «да» – текущей жизни. И вера в правильность и неизбежность пути, – и победила недоверие и сомнение. Бодрость взяла верх над отчаянием. И я радуюсь этому, стараюсь поддержать и укрепить такое состояние.

06.11. – 21.11.1932. Вчера была <...> на торжественном заседании партийных, советских и профессиональных] организаций Краснопресненского района [Москвы]. Прекрасный, огромный дом райсовета, в котором помещаются и банк, и почта, и райком. Очень хороший зал на 1000 человек с эстрадой и хорами для оркестра, весь украшенный полотнами с различными цитатами. <...> Все как-то особенно нарядно и со вкусом устроено. <...> Торжественное заседание открылось речью Бухарина – секретаря райкома. Почтили память погибших в боях за революцию вставанием и похоронным маршем. <...>

Начался доклад о 15-й годовщине Октябрьской революции. Делал его Каминский, секретарь МК. <...> В самом начале доклада на заседание явилась Крупская (жена Ленина), старая, седая, некрасивая, вся какая-то припухшая, женщина. Но простота её движений, искренность улыбки, блеск глаз, слабый, болезненный голос, немного певучий, – и то, что она – живой символ и в то же время реальная частица Советской власти, – делали её появление радостным, приятным, торжественным. Её статьи, её работа, все вдруг стало понятным, живым, перестало быть отвлечённым. <...> Затем приехал Постышев – секретарь ЦК, правая рука Сталина. Очень простой, не интеллигентского вида человек, говорит просто, ясно и чётко, без фраз и ораторских приемов. <...> К нему у меня тоже получилось доверие и симпатия. <...> После доклада начались рапорта и приветствия. Общее впечатление – очень сильное и глу-

бокое. Почувствовалась стройка, поверилось во все, что так нужно. <...> Хорошие стихи прочли Вера Инбер и Молчанов. <...> 6-го вечером ходила смотреть иллюминацию Москвы. <...> Прошла всю Тверскую, прошла Красную площадь, вышла к Москве-реке и от Каменного моста вернулась на трамвае. Устала. Но так красиво, так торжественно-празднично пылала огнями Москва, что невозможно было уйти с улицы. Громко и отчётливо радиотрубы передавали торжественное заседание из Большого театра, приветствия, речи. Вся Тверская казалась коридором одного большого дома. Здания Моссовета, Почтамта, Дома Союзов, Торговых рядов на Красной площади и других очень красиво были иллюминированы. <.> Красива, многоцветна, многолюдна, многолика Москва!.. И я так рада, что в эти дни здесь.

21 ноября. <...> Вчера была в Третьяковке. <...> Впервые увидела классовость в искусстве.

26.12.1932. Берёшься за дневник раз в декаду. Какое же это отражение жизни? Очень уж некогда. Всегда спешишь, всегда есть что-то очередное – необходимое. Веду занятия...

27.12.1932. Устала очень. <...> **Очень трудно сейчас жить.** Продуктов на базаре мало, и все очень дорого. А от плохого питания нет здоровья, нет сил, и падает бодрость духа.

01.01.1933. <...> **Везде бестолковщина, необдуманность, спешка, непродуманность планов, непорядочность, отсутствие аккуратности, честности и заботливости об общем деле.** <...> У меня сейчас тоже душа полна сомнений, вопросов, недоумений, и я – на границе какого-то отчаяния. Закончилась первая пятилетка. К чему пришла страна? – К голоду, нищете, развалу. Что же это значит?.. Временные затруднения, затруднения роста или тупик в результате неверной политики партии в деревне, в городе, в планировании всей жизни?! Я не нахожу бодрой веры в правильность генеральной линии партии – нигде, даже у самих партийцев. Они дисциплинированы, но не верят. И часто я сама в себе ощущаю только упрямство – хочу верить вопреки очевидности!

17.01.1933. Голод, холод и болезни кругом. И совершенно непонятна политика партии. Как же жить? Текущим моментом? Творчеством очередных мелких дел, как жила я раньше, до того момента, пока не поверила в смысл и величие гигантской стройки нашей страны? Этого мало мне теперь.

20.01.1933. Какая-то безвыходная загруженность текущими делами, вечная спешка и неудовлетворённость работой. В 1920 году я жила в узком круге впечатлений и людей, и все сводилось к бодрому терпению. Это было легко. Теперь же для меня мир расширился, по крайней мере, до пределов СССР. За эти 13 лет, особенно за последние 5 лет, я стала разбираться в общественной жизни, стала жить общими с СССР – интересами, надеждами, мечтами. Мне стали близки и важны и количество строящихся заводов, и количество гектаров, засеянных хлопком, и число колхозов.

27.01.1933. Мне все казалось, что у меня будет свободное время, когда я смогу что-то записать про Москву. Но день летит за днём, неделя за неделей. <...> Многое уже забылось. А жаль.

<...> Парк Тимирязевский – это прежняя Петровка, где в студенческие годы было так красиво, уютно, весело. Аллеи, пруды, катание на лодках. Молодость.

<...> Двадцать, может быть, 22 года прошло с тех пор, как я была там ещё курсисткой, молодой девушкой, полной надежд и желаний. 45-летней женщиной, одинокой и болезненной, пришла я к тем же берегам теперь. Тихо шла по аллее, собирала кленовые и вязовые листья, думала, вспоминала, сравнивала. Одинокая – да! Но не несчастная, не озлобленная, не оторвавшаяся от мира и людей. <...>

29.01.33. <...> Вечер. Прочитала роман Бруно Ясенского «Человек меняет кожу», ч. 1-я, и сразу раздвинулись стены комнаты, сразу исчезло утомление.

В нашем институте, как и во всех почти институтах, получилось, что часть преподавателей не смогла выполнить свою учебную нагрузку. Например, в 1932 г. я дала 90 учебных часов. Вышло, что я получала зарплату не за 360, а лишь за 4-ю часть этого времени. Те часы, которые я вообще отдаю институтской работе, – не считаются. Может быть, в общем масштабе это и справедливо, в частности, конечно, нет. За такое положение дел должна отвечать дирекция. Спихотившись только в конце прошлого года, она спешно отняла у нас часы на курсах инкубаторщиков, и теперь на будущий год сделала наметку – у кого сколько будет занято часов. У меня опять не выходит норма. Решено, кажется, догрузить по кафедре птицепромышленности. В конце концов, это действительно неизбежно — догрузка. Впрочем, лучше было бы по инкубации. Хорошо, если знать заранее, можно подготовиться хоть. Страшно только увольнения. Некоторых сократили: Кирову, Ага-Неймана. Жалко и жутко видеть их. Сейчас так трудно найти сразу работу. Везде сокращения.

04.02.1933. Беспокоюсь за Ис. Гр. Он поехал во Владимир. Оказалось, что ему – «-12», т.е. что в Ленинграде ему нельзя жить. И вот он на авось поехал во Владимир. Одинокий, с больной ногой, в самом плохом настроении. Жалко мне его. Очень жалко. Жалко всех их, попавших под колесо истории, но я понимаю, что это неизбежно.

08.02.1933. <.> Очень замучила боль в желудке. <...> А может быть, это – рак. Боль мучительна и создаёт раздражительность. Но, в конце концов, это – тоже «колесо истории». Недавно был слёт ударников. В первый раз в жизни – я была выдвинута в президиум и торжественно сидела на эстраде. Пришлось сказать несколько слов – сказала их неудачно. После только поняла свои промахи. В общем, слёт прошёл хорошо. В ударничестве есть большой внутренний смысл. Это действительно воспитывает.

19.02.1933. Кажется, новый зигзаг жизни. Наш институт назначен к переезду в Россошь. Мне туда ехать невозможно. Нельзя же бросить стариков, и вообще на два дома нам не прожить. И здоровье моё стало плохое. Это значит, что на днях останусь без службы. Без заработков, без хлебной карточки, вероятно, без квартиры. Ну, что же? Как тысячи других. Упрекать некого и не за что. Нездоровится. Болит голова и горло. Хорошо, что ещё жив отец. Все-таки есть хоть моральная поддержка. Как-нибудь проживём... до смерти.

Это последняя запись Зинаиды, на этом дневник обрывается...

В феврале 1933 г. Воронежский сельскохозяйственный институт был переведён на юг, в город Россошь. Слабое здоровье Денисьевской не позволило ей поехать вместе со всеми, она лишилась продовольственных карточек – в условиях распространяющегося голода это было равнозначно смертному приговору. Зинаида Денисьевская умерла 16 марта 1933 года.

Дневники Зинаиды Денисьевской наглядно показывают, как в периоды общественно-политических катаклизмов люди даже далёкие от центра событий всё же стремились любыми возможными средствами к активным действиям и самореализации.

До революции самоутверждение Денисьевской в роли «новой женщины» было не более чем игра, как она сама признавала, её «воображения». Однако позже, по мере перерождения её мировоззрения, она начинала ощущать в себе нечто новое – коллективистское существование.

В условиях политической системы, меряющей людей в соответствии с их верой в дело коммунизма, жизнь индивидуальной личности становилась уже не личной, а принадлежащей всему обществу. В последних размышлениях Зинаиды об одиночестве и любви, прошлом и будущем граница, разделяющая политическое и неполитическое, оказалась стёртой, как и граница, отделяющая индивидуума от общества. Её личный внутренний мир расширился: в своих мыслях и чувствах она «стала жить общими с СССР интересами, надеждами»...

Взгляды Денисьевской на себя и на окружающий мир претерпели за время её жизни серьёзные изменения. Она приняла советскую власть, с которой сначала не желала иметь ничего общего, пересмотрела свои взгляды на пол и секс, одиночество и самореализацию, включая само понятие «личной жизни». Однако её базовые представления о себе и своей роли в мире остались неизменными: ощущение того, что её человеческий долг обязывает её стать «личностью» с развитым «мировоззрением»; преклонение перед литературой как зеркалом жизни; использование дневника как лаборатории собственного «я»; вера в законы истории как источник смысла. Иными словами, неизменным оставалось её понимание себя как представителя русской интеллигенции.

Дневники Денисьевской охватывают более трёх десятилетий и дают редкую возможность проследить непрерывную работу в процессе самосовершенствования, предполагающую формирование целостного универсального «мировоззрения», направленного на деятельность во благо исторического прогресса. В конечном счёте Денисьевская стала рассматривать советский режим как единственный легитимный носитель ключевых ценностей интеллигенции. Чтобы интегрироваться в советский порядок, ей пришлось трансформировать себя из независимого наблюдателя и комментатора в коммунистического активиста. В числе прочего, принятие советской власти как исторически легитимной силы предполагало согласие с осуществляемым ею революционным насилием, со-

гласие, которое лишило Зинаиду физических и интеллектуальных возможностей защищаться от этого насилия, когда оно вторглось в её жизнь.

Жизнь Зинаиды Денисьевской всегда была трудной. Помимо проблем со здоровьем, она постоянно находилась в поиске цели и смысла жизни. Потребность Зинаиды писать дневник связана с необходимостью заглушить боль от душевных переживаний, со стремлением уйти от тревожных новостей и мыслей. Её душа жаждала любви, она искала мужчину своей жизни, но... нашла коллектив. Человеком, изменившим направленность её любви, стал полубивший Зинаиду бывший её студент Алёша. Они не смогли быть вместе, но их не столь долгое общение дало Зинаиде очень много. Она прониклась идеей коммунизма, для которой частная жизнь менее важна, чем жизнь коллектива, и коллектив для Зинаиды стал гарантом личного счастья и самореализации. Она часто подчёркивала политическое и универсальное понимание своей роли в мире, и это являлось для неё опорой. В процессе осмысления жизни Зинаида временами отдалялась от коллег, с которыми проработала много лет, поскольку они казались ей политически подозрительными или откровенно контрреволюционными, гораздо больше её привлекала жизненная позиция студентов и колхозных активистов, сверстников Алёши. Периодически, по мере того как учащались обыски и аресты людей, работающих вместе с ней на опытной станции, её охватывали глубокие сомнения в правоте действий коммунистов. Однако она никогда не сомневалась в самой коммунистической идее, всеми силами разума, стараясь изгонять все сомнения, поскольку они выбивали почву у неё из-под ног: терялся смысл и цель жизни.

Зинаида стремилась быть в гуще событий, всей душой желая единения с народом. По её словам, она становилась частью движущегося вперёд коллектива, того самого коллектива, за которым она, молодая воронежская девушка, с завистью наблюдала со стороны. Единство с народом давало ей возможность не чувствовать себя одинокой, её жизнь приобретала смысл, который был для неё особенно важен в связи с плохим здоровьем и предчувствием скорой смерти. Ей хотелось быть сопричастной к чему-то значительному, большому. Она хотела быть полезной для своей страны и готова была жертвовать собственной жизнью ради всеобщего счастья. Её не пугало, что «колеса истории» – её излюбленная метафора – могут раздавить и её собственную жизнь, она покорно смирялась, принимая все тяготы, которые выпадали на долю её народа, понимая, что ошибки и перегибы неизбежны на пути кардинальных перемен в жизни всей страны. Зинаида со своим ощущением принадлежности к самоотверженному «переходному поколению», была готова заплатить эту цену.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что такое революция? Каковы причины её возникновения? Каковы её последствия? Можно ли обойтись без революций? Вопросы, вопросы, вопросы... Ещё много поколений будут ломать голову над этими и другими многочисленными вопросами, связанными с историей революций в России.

Революция 1917 года... Пожалуй, говорить о том, что можно было бы её избежать – глупо. То, что случилось – уже неизбежный свершившийся факт, дающий почву лишь для размышления, обсуждения и анализа.

Ни что не происходит случайно, для всякого события есть своя причина. В процессе обсуждения и анализа важно рассматривать любое явление со всех сторон, честно учитывая весь фактический материал, искренне и беспристрастно желая понять мотивы всех и каждого. Необходимо изучать причины, провоцирующие бунты и революции, делая главный упор на тех моментах жизни, которые являются катализатором для созревания революционного движения.

Ни одна революция, какие бы цели она не преследовала, не может пройти безболезненно. Революция – это радикальное, коренное преобразование, кардинальная ломка устоев общества. Во избежание революций нужно, чтобы любые преобразования проходили на разумной общечеловеческой основе, сводящей к минимуму любые негативные проявления. Возможно ли такое? Думаю, да. Такое возможно в случае, когда нравственный закон будет являться нормой для каждого человека, когда поступки будут согласовываться с такими понятиями, как честность, добро и справедливость абсолютно для всех.

Почему через сто лет мы снова возвращаемся к воспоминаниям? Наверное, чтобы лучше понять людей прошлого времени, глубже понять самих себя, извлечь уроки из ошибок прошлого и сделать всё возможное, чтобы не ошибиться снова на похожем витке исторической спирали. Уроки прошлого – всегда для будущей жизни.

Завершить работу хочется оптимистическими словами Натана Яковлевича Эйдельмана: *«Мы верим в удачу, – не одноразовый подарок судьбы, а трудное движение с приливами и отливами, – но все же вперёд».*

Вера в справедливую и прекрасную для каждого человека жизнь – именно такую, о которой мечтали и продолжают мечтать лучшие люди каждого времени – главный ориентир на пути к прекрасному будущему. Всегда были, есть и будут люди, которые верили, верят и будут верить в то, что **придёт время, в России и во всём мире каждый человек будет жить счастливо!**

ЛИТЕРАТУРА

1. Горький М. Письма к читателю // Статьи. – М., 1916. – С. 205.
2. Денисьевская Зинаида Антоновна (1887-1933) : архивный фонд, 1900-1977. – Ф.752. – 33 ед. хр.
3. Йохен Хелльбек. Жизнь, прочтенная заново : самосознание русского интеллигента в революционную эпоху (1900-1933 гг.) // Журнальный клуб «Интелрос НЛО». – № 116. – 2012.
4. Ленин В. И. Полное Собрание Сочинений. Ценные признания Питирима Сорокина : Правда, № 252 от 21 ноября 1918 г. – Т. 37. – С. 193.
5. Попов Павел. Твой крест. Судьба города и человека // Центр духовного возрождения Чернозёмного края. – Воронеж, 2008. – 176 с.
6. Соколова З. Наша жизнь в Никольском: Деревенские записки. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2004.
7. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Союмонов: Пер. с англ. С. А. Сидоренко. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
8. Страницы из русского дневника // Альманах социальных исследований «Рубеж». – 1991. – № 1-2.
9. Хачатуров В. Жизненный и творческий путь Питирима Александровича Сорокина (1889-1968) : <https://shkolazhizni.ru/culture/articles/60775/>
10. Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России // Зеркало : Взгляд на злободневные проблемы. – М. : Книга, 1989.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДШЕСТВИЕ. Глазами писателей и очевидцев. <i>Г. С. Эрдели</i>	3
Иван Алексеевич Бунин	4
Из воспоминаний З. К. Соколовой	5
Отрывки из записок княгини М. К. Тенишевой	11
Отрывки из дневников М. М. Пришвина	17
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	21
УРОКИ ПРОШЛОГО. <i>Т. Б. Силкина</i>	23
Предтечи русской революции	25
Максим Горький	25
Фёдор Достоевский	26
Иоанн Кронштадский	27
Революция и личность	28
Питирим Александрович Сорокин	28
Страницы из дневников Питирима Сорокина	34
Зинаида Антоновна Денисьевская	47
Выдержки из дневников З. А. Денисьевской	49
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	78
Литература	79